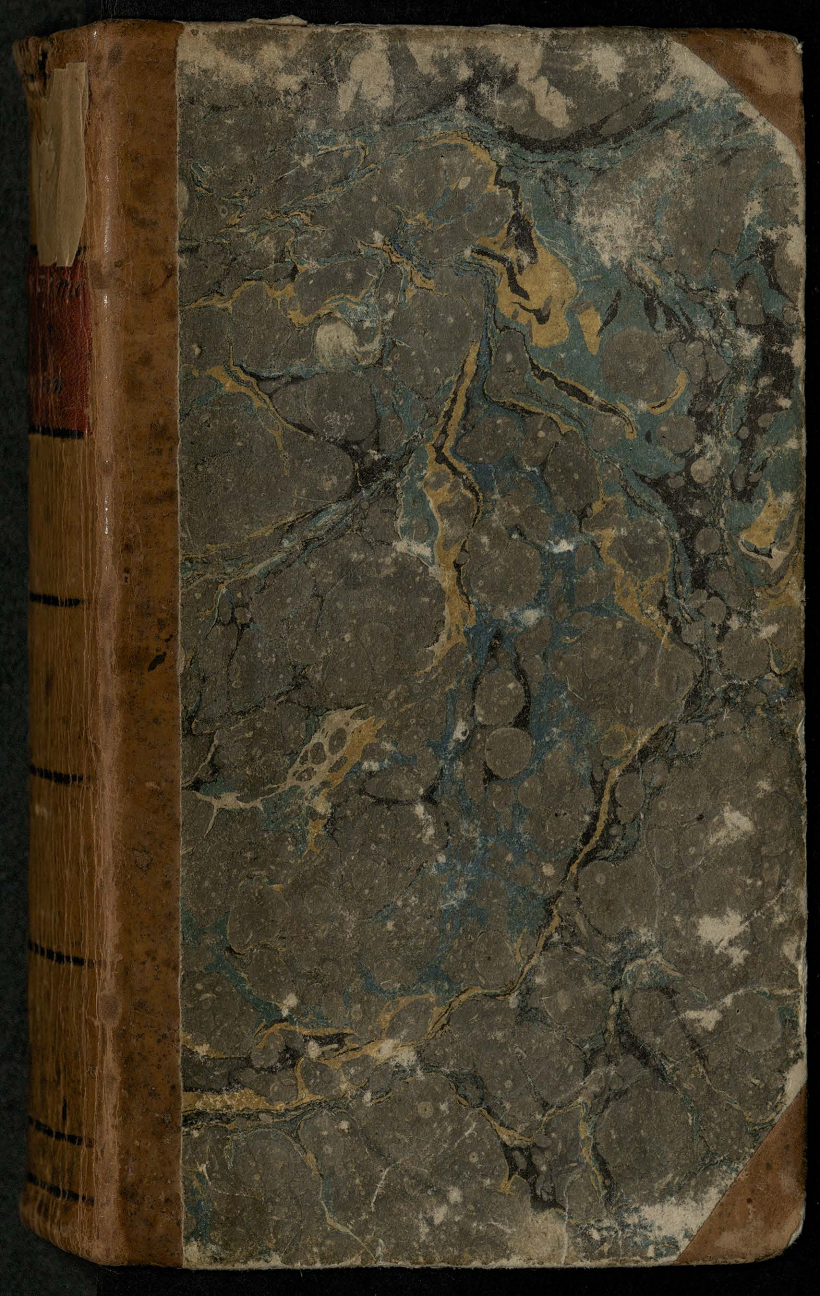
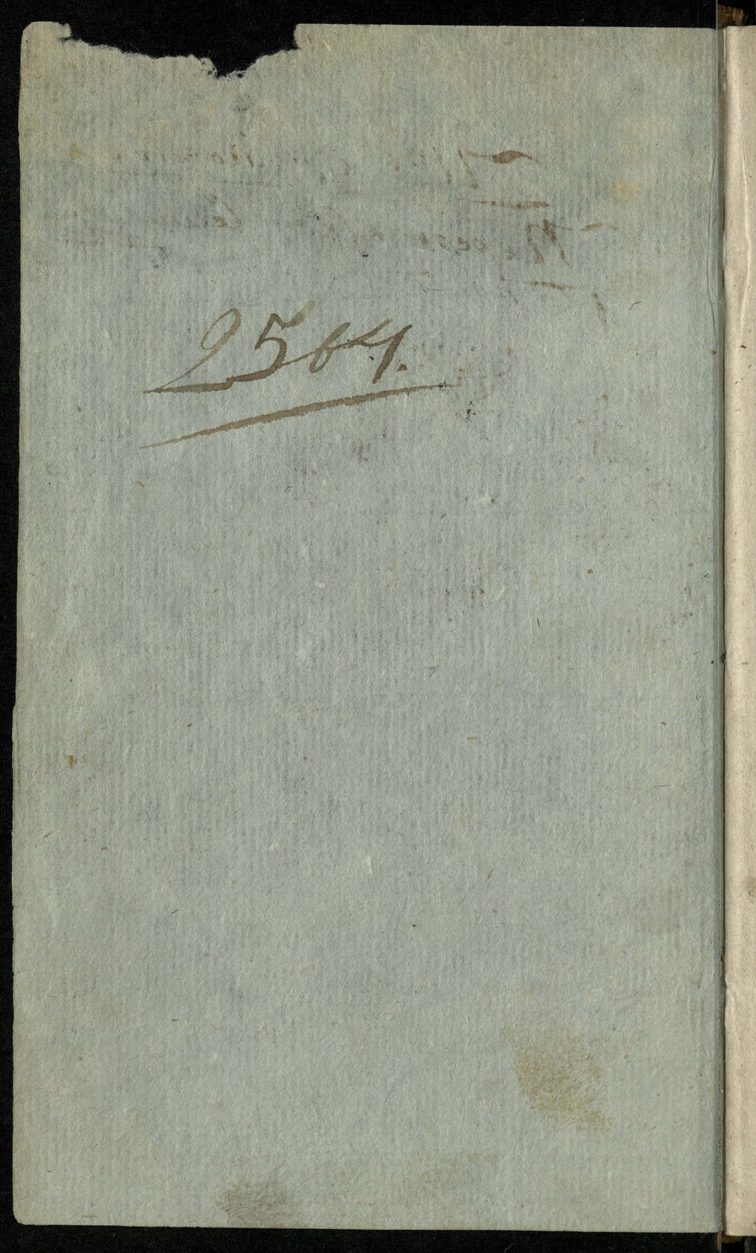




ВОСПИТАНІЕ ЛЮБВИ,

ИЛИ ДѢЙСТВІЯ НЕНАВИСТИ, ЛЮБВИ И ДРУЖЕСТВА.

Частъ перпая.

ПеревелЪ съ Французскаго
Никита Ункопской.



ИждивеніемЪ Н. Новикова и
Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
вЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Воспитаніе Любви, Часть I. *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.





ВОСПИТАНІЕ ЛЮБВИ.

Будучи отдаленну отъ смятенія, въ объятіяхъ дружества, въ безмолвномъ уединеніи; а упражнену единственно полевыми попеченіями и умоключительными размышленіями, кажется, что можно бы надѣяться спокойной жизни и дней щастливыхъ; но куда прибѣгнуть отъ бѣдъ и напастей, происходящихъ отъ страстей?

Замокъ Монтфортской лежитъ при . . . на вершинѣ горы, содѣланной отъ естества неприступною, куда искусство съ трудомъ едва пробило безпокойную дорогу; пространные рвы, подъемные мосты, башни, зубцы и бойницы возвѣщаютъ совнѣ древность сего зданія: а пристойные покои, изрядно удобренные огороды, прилично расположенные цвѣтники,

живые источники, прелестныя увеселительныя рощи, дѣлаютъ изъ онаго наиприятнѣйшее мѣсто.

Въ семъ приятномъ уединении обитали спокойно Кавалеръ Монтфортъ, Клерфонсъ и младая Роза. Приключение безъ сомнѣния весьма плачевное, но слѣдствия коего были меньше нещастныя; казалось, что три сии особы соединили навсегда почтеннѣйшими узами обхождения, любовь, высокопочитание и признательность.

Столь чистое согласие было бы безъ сомнѣния вѣчно, естьли бы оно не было возмущено любовию; тою страстию, которая смягчаетъ самое звѣрское сердце и претворяетъ въ неистовое самое тихое сложение, которая чинитъ вдругъ слабымъ и непоколебимымъ, вѣрнымъ и къ подозрѣнию склоннымъ, великодушнымъ и вѣроломнымъ, которая опечаливаетъ и веселитъ, приводитъ на гнѣвъ

и

и успокоиваетъ, которая отчаяваетъ и утѣшаетъ, которая возвышаетъ человѣка превыше самого себя, и унижаетъ ниже самаго безумнаго скота, которая составляетъ его добродѣтели и его пороки, дѣлаетъ ему стыдъ и славу, нещастіе и щастіе: однимъ словомъ, тою плачевною страстію, которую поздно уже побѣждать, когда ее не умѣлъ предупредить: щастливъ тотъ, кто не попадаетъ въ ея сѣти!

Но начнемъ повѣсть сію тою минутою, которая соединила сихъ трехъ особъ, долженствующихъ оныя быть содержаніемъ.

Графъ Монтфортъ, отецъ Кавалера сего имени, хотя былъ уже въ глубокой старости, однако страстно любилъ охоту. Въ день праздника святаго Губерта, опредѣленнаго для сего упражненія охотниками, собрались у него всѣ сосѣдственные дворяне для пойманія стада кабановъ,

 за-

засѣвшаго за нѣсколько дней предъ симъ въ ближнемъ небольшемъ лѣсу.

Начало ловли было удачно, и убито много, но одна веприха будучи ранена надъ молодыми вѣпрятами стояла упорно противъ собакъ, и нарочитое перебрала и выпотрошила своими клыками изъ нихъ число. Графъ отчаялся, видя, что такимъ образомъ погибаютъ самые лучшіе собаки изъ его охоты, приказалъ убить сего звѣря, чего бы то ни стоило. Но сіе сдѣлать было трудно, по тому что она засѣла между тремя дубами, которые оставляли пространство только со стороны головы, гдѣ находились всѣ собаки.

Молодой Кавалеръ Монтфортъ почетши за должное употребить сію минуту для показанія своей храбрости предъ всѣмъ сосѣдственнымъ дворянствомъ, приближился сквозь собакъ на четыре шага отъ звѣря, и выстрѣлилъ по немъ изъ писто-

лета

лета пулею, которая только прокатилась по ея ежевымъ щетинамъ: свирѣпая самка кинулась на него и повергла его на спину. Ловчей видя опасность, которой подпалъ его молодой господинъ, прибѣжалъ къ нему, и кинулся на звѣря въ то самое время, какъ одинъ охотникъ изъ толпы, тщеславящейся искусствомъ въ стрѣльбѣ, выстрѣлилъ изъ ружья, и повергъ бездыханна нещастнаго, жертвовавшаго для спасенія своего господина жизнію.

Выстрѣлъ сей устрашилъ всѣхъ, могущихъ подать ему помощь, и молодой Кавалеръ былъ бы жертвою своей неосторожности безъ великодушнаго Клерфонса, заблудившагося въ рощѣ, котораго нечаянной случай прислалъ въ сію минуту на помощь своему другу.

Природа одарила сего молодаго человѣка красотою Адониса, а силою Геркулеса. Онъ соскакиваетъ съ

 своей

своей лошади, спѣшитъ сквозь собакъ и сильною рукою схвативъ уже утомившагося звѣря, стаскиваетъ его, и ставши колѣномъ ему на бокъ, задавилъ его такъ удобно, какъ ягненка. Потóмъ поднявъ своего друга, получившаго весьма легкія раны, взялъ въ свои объятія, и принесъ его къ отцу на руки, отъ печали и страха оледенѣвшему.

Все устрашенное общество пребыло въ молчаніи отъ удивленія при воззрѣніи на толь великодушное дѣйствіе. Изумленный симъ Графъ Монтфортъ находился между радостію, видя у себя въ объятіяхъ своего сына, и признательностію, должною его избавителю; сей добрый старикъ одною рукою прижалъ къ своей груди голову своего сына, другою же схватилъ нѣжно ему его возвратившаго; онъ обращаетъ свой взоръ повременно на сіи два предмета своей нѣжности и своей признательности; слезы появившись у него на

на глазахъ, текли ручьями по его ланитамъ; наконецъ онъ возопилъ: о чада мои! поелику отнынѣ должны вы мнѣ быть равномѣрно милы; раздѣлите мое имѣніе такъ, какъ вы дѣлите мое сердце; природа васъ уже соединила союзомъ крови; а нѣжная дружба пусть заключитъ его; минута же сія да будетъ между нами достопамятнымъ временемъ ненарушимаго союза. Молодые люди охотно повиновались ему; они кинулись одинъ къ другому на шею, и обнявшись, клялись вѣчнымъ и взаимнымъ дружествомъ. Естьли природа велитъ любить того, которой подвергнулъ жизнь свою опасности для насъ: то и то также не менѣе естественно, быть привязану къ тому, для кого жизнь своя подвержена была бѣдствію.

Однако сіе всеобщее удовольствіе весьма скоро перемѣнено было нещастіемъ, приключившимся бѣдному ла Форе (Такъ назывался тотъ

застрѣленной изъ ружья ловчей). Онъ еще былъ живъ; но какъ находился не въ состоянiи ѣхать верьхомъ, а посылать за коляскою не хотѣлось терять много времени: то сдѣланы были для него въ самой скорости изъ вѣтвей носилки, для отнесенiя его въ за́мокъ.

Путь былъ далекъ и труденъ, и уставшiе слуги имѣли нужду въ частомъ отдохновенiи. Молодый Кавалеръ и мощной Клерфонсъ несли поочередно нещастнаго ла Форе. Да и самъ добродушный Графъ, желалъ пособить его понести чрезъ нѣсколько шаговъ; а какъ хотѣли ему въ томъ возпрепятствовать, такъ развѣ для того, что я вашъ господинъ, вскричалъ онъ, долженъ я имѣть меньше человѣчества, нежели вы? Ахъ оставьте меня! и допустите показать сему честному человѣку, что я заслуживаю ту преданность, которыя онъ мнѣ подалъ примѣръ: изчезни нечувствительное величество, которое

только

только имѣетъ себя предметомъ, и которое никогда въ другихъ особахъ не вкушало и не претерпѣвало удовольствія.

Не взирая на чрезвычайную бывшую тогда стужу всѣ слуги скинули съ себя свои кафтаны для накрытія или подкрѣпленія раненаго, и тѣмъ носилку сдѣлать ему спокойнѣе: столько примѣръ добродѣтели, показанной господами, владычествуетъ надъ всѣми ихъ окружающими.

Мы жалуемся, что рѣдка въ семъ вѣкѣ добродѣтель: но пусть только Принцы и знатные упражняются въ оной прежде сами, и пусть оную награждаютъ только въ другихъ, то всѣ люди будутъ имъ подражать, или изъ честолюбія, или изъ собственной пользы: ибо они къ тому отъ природы стремятся по одной только склонности.

Между тѣмъ, какъ бѣднаго ла Форе несли въ замокъ, Графъ Монтфортъ

фортъ приказалъ сыскать врача, прибывшаго въ одно время съ раненымъ: но онъ его нашелъ въ отчаянномъ состоянiи, такъ что не хотѣлъ и думать приняться за перевязку его ранъ, дабы избавить его отъ напрасной боли при дѣйствiи руками: въ самомъ дѣлѣ сей нещастный умеръ чрезъ нѣсколько часовъ.

Графъ Монтфортъ, котораго милосердая благость заключалась не въ пустыхъ словахъ, послѣ честныхъ похоронъ тѣла сего вѣрнаго и нещастнаго слуги, приказалъ привести къ себѣ все его семейство, состоявшее изъ его вдовы, сына семнатцати и дочери около четырнатцати лѣтъ. Сiя младая дѣвица есть Роза, которыя мы описываемъ приключенiя.

Роза имѣла блистанiе и свѣжiй цвѣтъ своего имени; нѣжныя лица ея черты и благородное ея лицепо-

ложе-

ложенiе ввергали при первомъ воззрѣнiи въ удивительное восхищенiе; но еще больше разумные ея отвѣты, слезы, проливаемыя о смерти своего родителя; трогательныя слова, произносимыя ею къ своей матери, восхищали все общество и смягчили Графиню Монтфортъ, которой доброты не уступали ни въ чемъ снисхожденiю своего супруга: поди, любезная моя Роза, сказала она ей, я оставляю тебя при себѣ; ты будешь моею дочерью: хочешь ли ты оною быть? Я никогда не забуду, отвѣчала Роза, съ скромностiю, что отецъ мой умеръ, вѣрно служа вамъ; и я никогда не сдѣлаю ничего недостойнаго сея чести. Поди, ты весьма мила, возопила госпожа Монтфортъ, взявъ ее въ свои обьятiя, что касается до меня, то я не забуду ничего, что бы сiе нещастiе было послѣднимъ въ твоей жизни.

Графъ предложилъ матери младыя Розы препроводить остатокъ

своея жизни въ замкѣ, гдѣ онъ ей обѣщалъ оказывать о ней всякое попеченіе и почтеніе, или получать ей ежегодно довольную сумму для провожденія безпечной жизни. Она предпочла сіе послѣднее предложеніе по той причинѣ, что ей бы по своимъ лѣтамъ трудно было пріучать себя къ новому роду жизни, столь различному отъ того, въ какомъ она была воспитана.

А мальчика также спрашивали съ его стороны о состояніи, какое для него лучше нравится, и онъ безъ продолжительнаго разсужденія выбралъ военную службу.

Я благодарю тебя за сію благородную, склонность, сказалъ ему старой Графъ, и никакъ не сомнѣваюсь, что бы ты ее не исполнялъ также исправно, какъ и твой отецъ. Но какъ сей доброй человѣкъ не ненавидѣлъ разсказы, то и принялъ случай объявить компаніи, какимъ

обра-

образомъ покойный храбрый ла Форе былъ рейтаромъ въ его ротѣ, и спасъ ему жизнь 11. Іюля 1708. года на сраженіи при Уденардѣ, давши ему лошадь, по тому что его была подъ нимъ убита пушечнымъ ядромъ. Повѣсть продолжалась нѣсколько долго, поелику за разбитіемъ конницы послѣдовало захваченіе артиллеріи, число убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ и штандартовъ, ничто не было забыто, и осада Лиля, послѣдовавшая за сею побѣдою, продолжилася бы отъ перваго тоаза параллельной линіи даже до нападенія на ровъ главной крѣпости, естьли бы по щастію не пришли съ докладомъ, что кушанье было поставлено.

Вдовѣ пожалована была деревенская дѣвка для служенія, и прислано нѣсколько мебелей изъ замка, которые были гораздо лучше ея. Графъ подарилъ ей нѣсколько десятинъ земли для увеличенія ея овощнаго сада, и выдалъ ей впередъ за шесть мѣсяцовъ изъ ея годоваго жалованья.

Добрая

Добрая женщина по прошествіи нѣсколькихъ дней принесла нѣкоторыя бумажки въ замокъ, которыя она нашла въ углу шкафа, изъ коихъ усмотрено, что ла Форе происходилъ изъ весьма честнаго семейства, но по нещастію послѣ раззорился и попался въ рабство.

Молодой ла Форе удержанъ былъ на нѣсколько дней въ замкѣ, дабы его одѣть, а наконецъ чрезъ годъ посланъ въ В. . . . для наученія приличнымъ упражнен'ямъ состоянію, къ которому онъ былъ назначенъ; послѣ сего времени, которое онъ употребилъ въ удовольствіе своихъ господъ, Графъ Монтфортъ послалъ его къ своему брату, подполковнику Р.. полку, въ которой принятъ онъ кадетомъ, и такъ хорошо отличился, что по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ получилъ Поручическое мѣсто.

Роза съ своей стороны была ежедневно причиною удивленія.

Остро-

Острота ея и благоразуміе возраста-ли съ ея красотою. Дарованія, пріобрѣтаемыя ею всякой день превосходили еще и пріятности ея: а скромность ея все превышала.

Господинъ и госпожа Монтфортъ прельщались взирая на нее, и не инако ее звали, какъ драгое ихъ дитя, и всѣ знакомые участвовали въ ихъ нѣжности къ сей прелестной дѣвицѣ: въ самомъ дѣлѣ казалось, будто она рождена въ томъ состояніи, въ коемъ она находилась. Стройность ея стана, благородная скромность, легкой и непринужденной ея поступокъ, учтивыя и благопристойныя выраженія, всѣ сіи качества показывались столь въ ней естественно, и столько перемѣнили первое ея состояніе, что самые онаго очевидные свидѣтели предали воспоминаніе объ немъ вѣчному забвенію.

Казалось, что все споспѣшествовало благоденствію младыя Розы, какъ вдругъ смерть похитила у нее

 ста-

стараго Графа Монтфорта; а Графиня его супруга, любя его искренно, жила по смерти его только нѣсколько мѣсяцевъ. Роза была долго безутѣшна лишась сихъ двухъ особъ; и знатное годовое жалованье сими благодѣтелями ей по смерти оставленное никакъ не уменшило ея печали, но еще чрезъ то усугубило ея сѣтованіе, дѣлая его законнѣйшимъ.

Молодой Кавалеръ Монтфортъ исполнилъ точно предпріятія своихъ родителей попеченіями, прилагаемыми о младости Розы; а Клерфонсъ, котораго разумъ столько же былъ украшенъ науками, сколько сердце его хорошими качествами, принялъ на себя украшать ея разумъ искусствами, а сердце ея пріучать къ добродѣтели.

И такъ Роза дѣлила свою признательность между двумя своими друзьями и своими благотворителями, естьли

естьли только можно полагать въ сравненіе цѣну обыкновенной помощи съ непрерывнымъ усердіемъ, множественными попеченіями, безконечными трудами, которыя производитъ драгоцѣнное воспитаніе.

И такъ три сіи особы жили, какъ я упомянулъ, въ замкѣ Монтфортскомъ будучи соединены дружествомъ, почтеніемъ и благодарностію, раздѣляя свое время между пріятными упражненіями и невинными увеселеніями, какъ Графиня Лозанъ прибыла въ оной погостить нѣсколько мѣсяцевъ, намѣрясь въ семъ уединеніи поправить свое нѣсколько веселостями испорченное здоровье.

Графиня Лозанъ старшая сестра Кавалеру Монтфорту, а меньшая Маркизу Монтфорту, на котораго уже за нѣсколько лѣтъ возложено было важное при сѣверномъ дворѣ дѣло. Онъ женился на сестрѣ Графа Лозанъ въ самое то время,

 какъ

какъ сей господинъ сочетался съ его сестрою съ такимъ условіемъ, что бы Кавалеръ Монтфортъ вступилъ въ Малтійской орденъ на тотъ конецъ, что бы имущество сихъ двухъ большихъ домовъ долгое время подверженныхъ великимъ разбивкамъ, было паки соединено на вѣки.

Графиня Лозанъ жила года съ три при дворѣ, гдѣ ея мужъ имѣлъ отмѣнной чинъ. Ей тогда отъ роду было не болѣе дватцати шести лѣтъ, станъ ея довольно былъ красивъ по недостатку дородности; а острота ея довольно пріятна ко вреду здраваго разума; она хотя была не видна, однако имѣла изрядной обликъ, хотя не изъ краснаго лица, но умѣла хорошо украшаться, не обладала пріятностями, но весьма была искусна, болтлива, нѣсколько шутлива, знала какъ взглянуть, показать живость, и тотъ вольной поступокъ, которой при дворѣ называется непринужденностію, а въ про-

прочемъ наглостію; все сіе вмѣстѣ составляло то, что свойственно можно назвать прекрасною женщиною; она нашедши Розу отмѣнною красавицею, искала принять на себя ея воспитаніе. Она наговорила ей съ непонятною проворностію кучу непристойностей, которыя Роза выслушивала изъ почтенія, а краснѣла отъ оныхъ по цѣломудренности.

Вы весьма прелестны, говорила ей Графиня Лозанъ съ усмѣшкою, происходящею частію отъ ласки, а частію отъ заступленія; но кажется, что вы сего не знали; о! и такъ я васъ между тѣмъ буду учить сему до тѣхъ поръ, пока щастливой любовникъ васъ въ томъ не увѣритъ. Ничто такъ не противно въ женщинѣ, какъ сія предосудительная скромность; она завѣса пріятностей.

Она блескъ добродѣтелей, отвѣчалъ съ живостію Клерфонсъ, трепеща

пеща, дабы его воспитанница не нашла въ семъ вредномъ нравоученiи какого вкусу: о! Роза остерегайтесь самолюбiя; оно почитается сильнѣйшею изъ всѣхъ страстей, такою притомъ, противъ которыя вашъ полъ мало защищаться помышляетъ; да назваться можетъ еще наиопаснѣйшею: сколько находится женщинъ, кои не поколебались вздохами любовника, но не могли устоять противу его похвалъ.

Ахъ! но онъ не совсѣмъ говоритъ неправду, продолжала Графиня, принявъ на себя прiятной видъ лица въ удовольствiе ему, сiи лукавые любовники умѣютъ претворяться во всякiе виды; съ осторожною женщиною они почтительны, съ чувствительною нѣжны, съ любострастною чувственны, горячи съ ревнительною; и можно ихъ назвать прямыми Протеями: но естьли же они имѣютъ свои хитрости, то у насъ также есть свои; мы слушаемъ ихъ

съ

съ недовѣреніемъ; сожалѣемъ объ нихъ безъ состраданія; ласкаемъ имъ не ощущая ни малой къ нимъ любви; нѣжнымъ воззрѣніемъ, пріятною усмѣшкою, обязательнымъ разсѣяніемъ, притворнымъ негодованіемъ, лицемѣрною слабостію, платимъ мы десяти любовникамъ, которыхъ не любимъ, но только ими забавляемся; и всему этому я васъ научу.

Не вѣрьте, что бы госпожа Графиня говорила вамъ правду, перехватилъ рѣчь ея Клерфонсъ съ негодованіемъ, посмотря на Графиню съ презрѣніемъ, а на Розу строгимъ окомъ. Непостоянство есть сердечной порокъ, которымъ мущины гнушаются и въ тѣхъ самихъ, коихъ они любятъ, но прощаютъ его и того менѣе. Женщина щеголиха составляетъ многихъ щастіе; это такое благо, которое она усугубляетъ: но непостоянница уничтожаетъ удовольствіе; она не для чего инаго желаетъ побѣждать, какъ только что бы имѣть у себя неволь-

 ни-

никовъ; взоры ея обманчивы, уста ея ложны, ласки ея ядъ: я скажу еще больше, распустная женщина меньшаго достойна презрѣнія; ибо она по крайней мѣрѣ продаетъ свои милости за деньги, кои она принимаетъ; есть еще родъ вѣрности въ сей постыдной торговлѣ: но жадная непостоянница желаетъ всего, а не даетъ ничего; сіе то гнуснымъ сребролюбіемъ любви назваться можетъ.

Это значитъ господинъ Клерфонсъ, что вы любите лучше, что бы дѣвица осталась глупою тварію, нежели кокеткою. . . Отврати небо, государыня моя; мы должны другъ друга разумѣть; вы не хотите, что бы она была кокетка, сказала Графиня; и не желаете ей быть щеголихою: однако я два сіи пути въ свѣтѣ почитаю для той женщины, которая не хочетъ быть чудовищемъ; она еще не въ тѣхъ лѣтахъ, что бы ей быть набожною: такъ какою же ей быть вы за благо разсуждаете? —

Често-

честолюбивою, государыня моя, честолюбивою. — Ахъ! вотъ какое важное слово, отвѣчала Графиня, которое, какъ я думаю, требуетъ еще объясненія; поелику слово честолюбивой не значитъ нынѣ уже больше того, что оно за тритцать лѣтъ значило; обычаи перемѣнились, а выраженія состарѣлись. Добродѣтель никогда не перемѣняется и не старѣетъ, сказалъ Клерфонсъ; она прилична для всѣхъ временъ и для всѣхъ земель. Чиста какъ свѣтъ, хотя иногда и затмѣваютъ ее пороки, однако никогда совсѣмъ не помрачаютъ, и самые тѣ, которые ее потеряли, соболѣзнуютъ еще о томъ и по нынѣ.

Но знаете ли вы, Кавалеръ, сказала Графиня своему брату, что дядюшка говоритъ какъ ангелъ. — Онъ разсуждаетъ и поступаетъ еще лучше, моя сестрица; я ему обязанъ своею жизнію, а Роза должна будетъ ему щастіемъ: мы двое весьма щастливы, что находимъ въ немъ раз-

умнаго учителя, мудраго совѣтника и вѣрнаго друга. При семъ Кавалеровомъ отвѣтѣ, Клерфонсъ покраснѣлъ по цѣломудренности, а Графиня съ досады, и перемѣнили разговоръ.

Съ сей самой минуты Графиня клялась бы вѣчною ненавистію къ Клерфонсу, естьли бы она могла имѣть столько бодрости, что бы возненавидѣть толь прелестной образъ. Ахъ какъ жаль, сказала она, кинувъ снисходительной взоръ на весьма статное положеніе его стана; сколь жалко, что молодой для любви сотворенной человѣкъ хватается за розгу Педанта, говоритъ все мнѣніями и изрѣченіями, и поступаетъ только по правиламъ! . . . Ахъ! Клерфонсъ, какъ жаль! Но онъ конечно никогда не любилъ! любовь смягчитъ сіи душевныя качества, попытаемся учинить его чувствительнымъ. . . . Постараемся поискать, откуда происходитъ во мнѣ сія недовѣренность? . . . Онъ философъ; ну изрядно, а развѣ философъ не

не человѣкъ, и премудрость удерживаетъ ли его отъ вожделѣній? . . . Постараемся болѣе удостовѣриться; ему надлежитъ быть сущимъ медвѣдемъ, естьли его прекрасная женщина не пріучитъ къ рукамъ.

Между тѣмъ какъ Графиня располагала тайно свои малыя предпріятія, Клерфонсъ дѣлалъ весьма унизительныя разсужденія на ту часть прекраснаго пола, которой предпочитаетъ удовольствіе своей чести, а увеселеніе добродѣтели; онъ трепеталъ, что бы его любезная Роза симъ ея нѣжнымъ гласомъ, непринужденнымъ поступкомъ и прелестію роскоши не была побѣждена, чѣмъ наполнены были всѣ Графинины рѣчи, могущія ослѣпить молодую неискусившуюся особу.

Душа ея честна, сказалъ онъ: но она проста и привыкла слушать одни только тѣ совѣты, которымъ она должна слѣдовать. Выгода, которую имѣ-

имѣетъ Графиня; быть дочерью такого отца и такой матери, коихъ Роза привыкла любить и почитать, выгода, которой она дѣйствительно недостойна, но которую она однако имѣетъ; полъ ея, которой совсѣмъ не долженъ имѣть никакихъ намѣреній, все будетъ нѣсколько споспѣшествовать обмануть ее. О Роза! любезнѣйшая Роза, послѣ толикихъ трудовъ и попеченій, которыя имѣлъ я о твоихъ юныхъ лѣтахъ, сердце твое должно ли быть добычею постыднаго порока, а сама ты, жертвою беззаконія, стыда и раскаянія: небо! о небо! вопіялъ онъ поднявъ къ оному руки, тебѣ надлежитъ защитить невинность, подкрѣпи ея слабость, направи ея стопы и просвѣти ея сердце!

Сіи печальныя размышленія завели Клерфонса въ отдѣленную аллею, въ которой Роза, безпокоившаяся о его отсутствіи, нашла его утопающаго въ слезахъ: о другъ мой! сказала она ему, кинувшись въ его объятія

съ

съ невинностію, достойною злашаго вѣка: Въ какомъ я васъ вижу состояніи? Что вамъ причиняетъ такую печаль? . . Вы Роза; я любезный другъ: Увы! что я сдѣлала? Что я такое сказала, что бы васъ могло столько опечалить? Ежели я васъ чѣмъ прогнѣвала, то сколь я несчастна! Не вы меня опечалили, но для васъ я трепещу, дражайшая Роза; ахъ! успокойте своего друга, откройте ему свое сердце, покажите ему свою душу, скажите, какъ вы внимали всему тому, что Графиня вамъ говорила? —— Какъ, любезный другъ, вы мнѣ сами приказали принимать все за шутку; но которая, какъ я думаю, была не безъ намѣренія.

Госпожа Лозанъ безъ сомнѣнія хотѣла знать мои мысли и увидѣть, достойна ли я была дружества, коимъ она хочетъ меня удостоить; вотъ что представилось моему разуму; ибо я не могу себѣ вообразить, что бы въ самомъ дѣлѣ

были

были такія женщины, какихъ она мнѣ описывала: увы! перехватилъ рѣчь ея Клерфонсъ, воздыхая, это сущая правда, что такіе люди находятся, да еще къ нещастію въ великомъ количествѣ.

И такъ не удивительно, что ваше честное и добродѣтельное сердце не предается симъ подлымъ мыслямъ: но васъ еще болѣе удивитъ то, что есть такіе изъ мужчинъ люди, которые ихъ развращаютъ и дѣлаютъ тщеславными чрезъ свои ласкательства, неблагодарными чрезъ свои примѣры, и пріучаютъ разумъ ихъ къ насмѣшкамъ, свойство ихъ ко лжи, а сердце къ пороку... О небо! вскричала Роза, съ удивленіемъ, смѣшеннымъ съ отвращеніемъ: естьли бы не вы, другъ мой, говорили мнѣ о сихъ ужасныхъ дѣлахъ, то бы я никогда сему не повѣрила. Какъ возможно, что бы были столь слабыя женщины, и столь наказанія достойныя мужчины? Какъ можно презирать любимую женщину и подвергнуть ее вѣчному безчестію, жизнь

ея предать стыду, сердце же ея угрызеніямъ совѣсти? Что можетъ ненависть выдумать злѣе сего?

Сколь я щастлива, не токмо что не рождена въ семъ развратномъ свѣтѣ, ниже въ безчестномъ обхожденіи. Но къ вящему моему благополучію нашла еще такого друга, каковы вы, любезный Клерфонсъ, котораго нѣжныя старанія, разумные совѣты, вознамѣрились напаять умъ мой премудростію а сердце добродѣтелію. —— Естьли бы это не могло никогда премѣниться. —— Какъ! другъ мой, вы кажется о семъ сомнѣваетесь? —Нѣтъ, любезная Роза, я ни мало о семъ не сомнѣваюсь, я безопасенъ о настоящемъ: но могу ли быть спокоенъ въ разсужденіи будущаго?

Во время пребыванія Графини здѣсь, не будетъ недостатка въ тѣхъ искусныхъ прельстителяхъ вашего пола. Они васъ найдутъ красавицею, скажутъ вамъ о семъ

сЪ

съ великою пріятностію; то, что для васъ въ устахъ Графини казалось соблазнительнымъ, будетъ для васъ отъ молодаго любви достойнаго человѣка лѣстно; похвалы бываютъ всегда весьма пріятны; совѣты мои для васъ были всегда строги; обманщикъ будетъ выслушанъ а другъ забвенъ; и щастливъ онъ будетъ тѣмъ, естьли его не возненавидите!

Несправедливый другъ! вскричала Роза, смѣшеннымъ съ печалію голосомъ и прослезяся: заслужила ли я сіе оскорбительное подозрѣніе? моя способность къ исполненію вашихъ совѣтовъ, мое признаніе за ваши милости, мое нѣжное почтеніе къ вашимъ добродѣтелямъ, не могутъ ли васъ увѣрить въ живой и простодушной къ вамъ преданности и вѣчной дружбѣ? Ну изрядно, отвѣчалъ Клерфонсъ кинувшись къ ея ногамъ, клянитесь мнѣ всѣмъ тѣмъ, что есть свято, что вы никогда не будете слушать никого другаго кромѣ меня;

другъ

другъ вашъ требуетъ сего обѣщанія. —— Уста мои повторили вамъ теперь только ту клятву, которую уже сердце мое сто кратъ чувствовало: конечно любезный другъ, я клянусь вамъ всемъ тѣмъ, что есть свято на небѣси и на земли, смертію моего родителя, благодѣяніями его господъ, честію, вами Клерфонсъ, что никогда мое покорное и благодарное сердце не будетъ имѣть инаго путеводителя, инаго друга, инаго господина кромѣ васъ: и я, отвѣчалъ въ восторгѣ Клерфонсъ, клянусь, что и мое никогда иной пріятельницы кромѣ васъ почитать не будетъ. Произнося сіи слова, Клерфонсъ пожавъ поцѣловалъ руку, которою Роза хотѣла его поднять, какъ Графиня, искавъ Клерфонса, что бы сдѣлать начало къ исполненію своихъ намѣреній, вышла въ концѣ аллеи. Они оба будучи въ такомъ положеніи, не могли примѣтить, что Графиня, при узрѣніи сего какъ бы громомъ пораженная, пребыла не

подвижна. Такъ они любятся! вскричала она наконецъ; и въ самое то время вымыслила тысячу мстительныхъ предпріятій. Она удалилась безъ всякаго шуму для размышленія объ оныхъ прежде исполненія. То, на чемъ она остановилась, состояло въ слѣдующемъ; она вознамѣрилась стараться воспалить въ своемъ братѣ любовь къ Розѣ, и возбудить въ немъ страшнаго соперника Клерфонсу, и слѣдовательно тѣмъ возжечь пламя ненависти и ревности между двумя друзьями, коихъ священнѣйшія узы долженствовали соединить на вѣки.

Мы описывали до сихъ мѣстъ Графиню Лозанъ не иначе, какъ свѣтскую женщину, которыя пріятные пороки въ семъ испорченномъ вѣкѣ весьма удобно находятъ прощеніе: но теперь начинаетъ показываться свирѣпое ея свойство, которое тѣмъ предосудительнѣе, что оно происходитъ не отъ жестокой страсти. Она дѣлаетъ всегда преступленіе

пленіе съ хладнокровіемъ; все то, что только отмщеніе можетъ изобрѣсть свирѣпаго, и все, что можетъ вымыслить ненависть, въ состояніи употребить сія злая женщина.

Съ крайнимъ сожалѣніемъ видимъ себя принужденными представить честнымъ душамъ столь ненавистную особу; но обстоятельства сего приключенія нашлись бы вездѣ съ перемѣною или послабленіемъ, естьли бы стараться ихъ успокоить; но кто впрочемъ не знаетъ, до какого излишества можетъ доходить любовь, гордость и зависть, вкоренившіяся въ женщину, отпадшую отъ добродѣтелей своего пóла и отъ прáвилъ честности.

И такъ Графиня усугубила свои ласки къ Розѣ, а предупрежденія къ Клерфонсу; она умѣла перенять точно ихъ нравоученіе и подражать ихъ добродѣтели.

Я вить вамъ часто сказывала, что Графиня добродѣтельна, сказала нѣкогда невинная Роза Клерфонсу. Ваше строгое око съ начала разсуждало объ ней весьма жестоко; сердце ея не имѣло никакого участія въ ея словахъ; дружество ея хотѣло только меня испытать. Желаю, что бы я обманулся, отвѣчалъ Клерфонсъ; но вы сами Роза не стремитесь только въ своемъ разсужденіи; съ лишкомъ слѣпая довѣренность производитъ часто плачевныя для невинности слѣдствія.

Когда Графиня бывала наединѣ съ своимъ братомъ, то поступала она совсѣмъ другимъ образомъ; она пріуготовляла сердце его къ злобѣ чрезъ то нравоученіе нашего вѣка, которое уравниваетъ все, поступая по почтеннымъ правиламъ какъ по предразсужденіямъ.

По какимъ то тайнымъ намѣреніямъ провидѣнія Божія позволяется

что

что честныя души дѣлаются иногда жертвою обмана? Безъ сомнѣнія сіе бываетъ для того, что бы онѣ познали опасности собственнымъ своимъ опытомъ, и имъ бы предуготовились чрезъ то гораздо великолѣпнѣйшія награжденія послѣ побѣды.

Кавалеръ Монтфортъ имѣлъ честную душу и прямое сердце, но слабое сложеніе и живыя страсти; сестра его знавъ его довольно, ни мало не сомнѣвалась въ достиженіи конца своихъ намѣреній, только бы скрыть оныя хитро и совсѣмъ ему не примѣтно; она всегда говаривала ему о Розѣ съ восхищеніемъ; начинала похвалою превосходныхъ ея качествъ, и наконецъ доходила до преимуществъ ея прелестей, что бы сдѣлать изъ того сладострастную картину, при которой самой нечувствительной человѣкъ не могъ бы остаться безъ ощущенія. Распаливъ непримѣтно воображеніе бѣднаго Кавалера, выдумывала тьмы небольшихъ игръ, въ коихъ она весь-

ма старалась приказывать въ наказаніе ему давать премножество поцѣлуевъ Розѣ.

Въ игрушкахъ съ нею, замѣшивала она шейной ея платокъ въ самую ту минуту, когда выгодное положеніе представляло вздымающіяся ея груди жаднымъ взорамъ ея разженнаго прелестьми брата. Такимъ образомъ вдыхала она мало помалу ядъ любви въ такое сердце, которое до того ни къ чему кромѣ пріятностей дружества не чувствительно было. Какъ нѣкогда они вышли отъ Розы, которую легкой припадокъ заставилъ лежать въ постелѣ. И какъ небольшая слабость придавала ей больше еще прелестей; то Графиня тотчасъ примѣтя по живости душевныхъ движеній своего брата, по пламени въ глазахъ его пылающемъ, все впечатлѣніе, произведенное прелестями Розы на его сердце, вознамѣрилась употребить сію минуту для совершенной своея побѣды.

Какъ

Какъ вамъ показалась наша пріятельница? Вить она очень прелестно лежала въ постелѣ, сказала она Кавалеру такимъ голосомъ, которой дѣлается при безпристрастномъ вопросѣ, на которой кажется нѣчего ожидать и отвѣта: *допольно прелестно*, отвѣчалъ Кавалеръ. . . *допольно прелестно*; она достойна обожанія, сестрица: ничто въ жизни моей прелестнѣе сего не представлялось взору моему, и я закладую все, что я не имѣю, что у васъ нѣтъ такой госпожи при цѣломъ дворѣ, которая бы во всемъ своемъ торжественномъ убранствѣ могла уподобиться сей божественной дѣвицѣ въ самомъ простомъ спальномъ платьѣ. *Допольно прелестна*; выраженіе скромно, но когда женщина говоритъ о другой, то оно бываетъ всегда таково.

Сіе стремленіе, которое бы во всякомъ другомъ случаѣ весьма обидно показалось Графинѣ, льстило ее

величайшимъ успѣхомъ въ ея намѣренiи; она шутила остроумно съ своимъ братомъ надъ горячностiю, которую онъ показалъ въ своемъ отвѣтѣ; и подъ видомъ, сыскать злобнымъ образомъ въ Розѣ какiе нибудь недостатки, показывала она ему мало по малу всѣ ея прелести, изображая ихъ самымъ любострастнымъ образомъ.

Какъ скоро она увѣрилась, что воспалила воображенiе своего брата столько, сколько желала, то заговорила о болѣзни Розы; она заключила, что природа, которая начиналась показываться въ ней, была единственная причина частыхъ ея припадковъ, и что усиливанiя, употребляемыя ею на погашенiе своихъ склонностей, вредятъ нечувствительно ея здоровью; при томъ примолвила принявши на себя довѣренной видъ, что она примѣтила во многихъ случаяхъ разныя движенiя, происходящiя въ душѣ сея младыя красавицы при узрѣнiи Кавалера, и кончила

чила увѣреніемъ, что Роза была въ него влюблена.

Естьли бы сіе было, вскричалъ Кавалеръ! . . . Слово сіе измѣнило чувствованію Монтфорта; и подкрѣпило точно подозрѣніе Графини: но естьли бы и сіе было, отвѣчала она, то могъ ли бы ты быть такимъ человѣкомъ, что бы допустить умереть отъ любви сіе бѣдное дитя? ахъ! нѣтъ мой любезный Кавалеръ! я васъ не почитаю способнымъ къ такому безчеловѣчію. Тебѣ не прилично быть свирѣпымъ. . . Тебѣ надлежало бы столько быть неблагодарнымъ . . Сестрица, отвѣчалъ ей гораздо важнѣе Кавалеръ, мы бы оба достойны были великаго сожалѣнія. Великаго сожалѣнія въ разсужденіи того, что ты имѣешъ подъ своимъ повелѣніемъ шестнатцатилѣтную дѣвицу, прекрасную какъ Ангелъ, и влюбленную въ тебя добровольно со всею невинностію своего возраста? . . . Я долженъ объясниться, сестрица; я люблю и почитаю Розу отъ

всего моего сердца; превосходныя ея качества заслужили бы конечно Монаршую любовь; но вы знаете, что препятствіе.... захочу ли я опорочить всю мою фамилію?... ты лишился безъ сомнѣнія разума бѣдной мой Кавалеръ, отвѣчала Графиня съ великимъ смѣхомъ. Какое можетъ имѣть дѣло такая маленькая дѣвочка со всею твоею фамиліею?...Она, я думаю, очень мало имѣетъ требованія на твое имя: но конечно много прельщается твоимъ лицемъ; и я не надѣюсь, что бы такой хорошей человѣкъ какъ ты, захотѣлъ ей оказать свирѣпость.

Хорошей человѣкъ, какъ я, отвѣчалъ Кавалеръ весьма важнымъ голосомъ, долженъ ко младости дѣвицы, воспитанной имъ съ ребячества, имѣть почтеніе; а не того искать, что бы прельстить ея добродѣтель; онъ долженъ быть ея покровителемъ; и онъ бы не могъ спокоиться никогда, возродивъ угры-

грызенія совѣсти въ груди невинности. Графиня продолжала ему отвѣчать въ шуткахъ: но Монтфортъ вмѣшивалъ въ свои рѣчи столько важности, что она принуждена была замолчать.

Она довольно видѣла, что любовь не преодолѣла еще добродѣтели въ сердцѣ ея брата, и для того вознамѣрилась оставить его на нѣкоторое время жертвою собственной своей страсти съ такимъ намѣреніемъ, что бы оную возращать повседневно безпрерывнымъ прельщеніемъ его желаній.

Въ продолженіи сего времени не опускала она ничего для склоненія на свою сторону сердца Клерфонсова; усердное стараніе, нѣжное вниманіе, пріятное предупрежденіе, ничто не было забыто. То желала она говорить ему на ухо съ тѣмъ только, что бы приближиться къ его щекѣ; то подавала ему пучекъ цвѣтовъ для нюханія, дабы

тѣмъ подать ему случай къ поцѣлую; иногда стоя на одномъ мѣстѣ озиралась, будто не осмѣливается ступить, дабы опершись на его объятія, тѣмъ удобнѣе можно было пожать у него руку; но всѣ сіи виды были совсѣмъ тщетны; предлагаемыя ласки рѣдко удаются; а еще рѣже, естьли онѣ предлагаются тогда, когда онѣ заслуживаютъ, что бы ихъ искали.

Графиня тщетно старалась искушать Клерфонса, обманывать своего брата и дѣлать нещастною Розу. Долгое время сносила она досаду, видя безполезныя свои хитрости, такъ какъ и свои требованія, а совѣты свои и съ ласками отринутыя. Но она была не такая женщина, которая бы такъ удобно отвратилась, и ея трудолюбивая ненависть возрастала отъ затрудненій, такъ какъ желанія ея отъ отказовъ.

Сіе превосходитъ къ нещастію правду, что сія жестокая страсть

не

не уменьшается никогда, потому что препятствія ее прельщаютъ, а возрастаетъ она отъ успѣховъ. Но оставимъ на нѣсколько времени сію злобную женщину, напоенную ядомъ, питающимъ и снѣдающимъ ее.

Роза и Клерфонсъ жили въ теснѣйшемъ дружествѣ, и казалось, что увѣреніе, данное ими другъ другу взаимно въ непремѣнной вѣрности, усугубляло ихъ склонность, представленіемъ имъ понятія о вѣчномъ блаженствѣ и удовольствіи.

Тихая прелесть сердечнаго союза была соединена съ чистѣйшею невинностію; одинакой вкусъ, одинакія склонности, равныя упражненія, и одинакія увеселенія одушевляли ихъ обращеніе. Казалось, что сердца ихъ были созданы одно для другаго, и что природа нашла удовольствіе соединить души ихъ во всѣхъ частяхъ.

Не-

Не думаете ли вы такъ, какъ я, говаривалъ иногда Клерфонсъ Розѣ, что нашъ союзъ есть верховное благополучіе и земной рай? Да конечно, отвѣчала Роза: но не приходитъ ли вамъ когда на мысль о другомъ блаженствѣ? Естьли бы оно было, и вы бы о немъ знали, то бы я вамъ конечно за то не поблагодарила, что вы мнѣ о томъ ничего не говорили; и оное бы хотѣла я раздѣлить съ вами. До сего времени я не чувствовала никакого другаго удовольствія кромѣ того, какъ только васъ видѣть, васъ слушать, и никакого другаго сѣтованія, какъ васъ на нѣсколько времени лишаться; но естьли бы сердце мое способно было къ другимъ страстямъ и другимъ склонностямъ, то я увѣрена, что вы бы онаго еще предметомъ были. Ахъ? любезный мой другъ, любезный наставникъ, вы бы всегда были вашей Розѣ преданы.

Клерфонсъ былъ очарованъ откровенною нѣжностію своея питомицы,

и

и раздѣлялъ ее вмѣстѣ съ нею; и такъ они взаимно отдались безъ всякаго недовѣрія чувствованіямъ, преисполненнымъ тогда пріятностями, но кои долженствовали имъ причинить много сердечной печали.

Важность, съ которою съ другой стороны Кавалеръ Монтфортъ удерживалъ свою сестру, и съ которою разсматривалъ онъ самъ себя; безпрестанный споръ, въ которомъ добродѣтель его находилась съ его страстію; тщетныя покушенія, употребляемыя имъ для побѣжденія ее, перемѣнили его существо и привели въ изнеможеніе его здоровье. Роза симъ безпокоилась, Клерфонсъ смущался, а Графиня торжествовала въ то время надъ любовію своего нещастнаго брата. Въ одну ночь, въ которую онъ попеременно все испыталъ, что только любовь внушить можетъ, страхъ, надежду, безпокойство, движенія, мученія, и снѣдаемъ будучи горячкою, приказалъ онъ, не-

не могши перенести болѣе своего состоянія, просить Клерфонса войти въ свою горницу: пожалуй любезный мой другъ! возопилъ онъ съ восхищеніемъ, и простеръ къ нему свои руки увидя его входящаго. Вы мнѣ спасли жизнь; и вы должны мнѣ ее даровать еще разъ; нѣтъ никого кромѣ васъ, кому бы я могъ открыть тайну, обременяющую мое сердце. — А о моемъ вы можете не менѣе быть увѣрены и по оному разполагать. . . Я на оное полагаюсь, отвѣчалъ Кавалеръ съ живостію. . . Не безпокойте меня, принужденіе, которое я себѣ причиняю для увѣренія васъ въ моей слабости, было бы безполезно, естьли бы вы мнѣ дали время отъ онаго закраснѣться и застыдиться; я бы умеръ подъ бременемъ моего стыда не облегчивъ моего сердца; небо мой свидѣтель, что я ничего не опустилъ для побѣжденія его: но наконецъ повинуюсь моей судьбинѣ; или лучше сказать, всесильнымъ прелестямъ обожанія достойной дѣвицы.

Я

Я люблю Розу; сама любовь обитаетъ въ груди моей со всѣмъ своимъ пламенемъ, своими безпокойствами и своимъ неистовствомъ.

Сіе ужасное начало окамѣнило Клерфонса, и притомъ ввергнуло его въ такое положеніе, которое тѣмъ труднѣе описать, что онъ самъ не зналъ разныхъ движеній въ немъ происходившихъ; или лучше, душа его вдругъ оцепенѣвшая сдѣлалась неспособною ко всѣмъ движеніямъ, разсужденіямъ и самымъ чувствованіямъ. Онъ пребылъ долгое время въ семъ состояніи. Но какъ чувства его мало помалу начали опять производить свои дѣйствія, которыхъ онъ былъ лишенъ во время сея минуты оледѣнелости, то онъ произнесъ нѣсколько словъ, ничто иное, какъ смущеніе души его означающихъ.

Я вижу безмѣрное ваше удивленіе, любезный мой Клерфонсъ, про-

должалъ съ прерываніемъ Кавалеръ, примѣтя удивительное дѣйствіе своея рѣчи надъ своимъ другомъ; я вижу все, что вамъ моя несчастная склонность предсказываетъ: но не опасайтесь ничего, недостойнаго вашего друга и любовника Розы. Когда престану любить добродѣтель, тогда престану васъ любить обоихъ.

Клерфонсъ пришедши совсѣмъ опять въ себя, началъ усматривать ясно, что происходило въ его сердцѣ. Любовь друга его начала̀ освѣщать его разумъ, помраченной любовію къ Розѣ.

Въ какую ужасную хотѣлъ я низвергнуться пропасть, сказалъ онъ самъ себѣ, я совлекъ туда же съ собою молодую дѣвицу, которой взялся я быть путеводителемъ, и тѣмъ сдѣлался препоною щастію моего друга? Ахъ! Скорѣе желаю умереть, нежели согласиться на сей стыдъ и на несчастіе двухъ особъ столько мною любимыхъ. Сіе

Сіе великодушное намѣреніе было плодомъ мгновеннаго разсужденія. Добродѣтель скора въ совѣтахъ ею подаваемыхъ: а кто прежде размышляетъ о благородномъ дѣйствіи, тотъ недостоинъ къ учиненію онаго.

Кавалеръ Монтфортъ увидя своего друга въ такомъ состояніи, что онъ могъ его слушать, продолжалъ слѣдующимъ образомъ: Да! я люблю Розу; да и кто можетъ обходиться съ нею безъ обожанія? Нѣтъ, любезный другъ, никого, кто бы могъ *привести* въ безопасность важною своею премудростію ея сердце; вы только одни можете имѣть къ ней столь чистое почтеніе, какова ея добродѣтель.

Клерфонсъ покраснѣлъ при сей похвалѣ, чувствуя, что онъ ее мало заслуживалъ, и онъ бы не усумнился учинить подтвержденія, которымъ онъ долженъ былъ истиннѣ, естьли бы польза его друга его отъ того не

 удер-

удержала. Нѣжность сія была источникомъ всѣхъ мученій ими наконецъ испытанныхъ.

Я люблю Розу, продолжалъ Монтфортъ; безъ нея нѣтъ больше щастія для меня. Но не думаете ли, любезный другъ, что бы я старался о такомъ благополучіи, которое бы стоило ея благоденствія; я ее почитаю сразмѣрно моей къ ней любви, или лучше, для того я ее почитаю, что я ее люблю.

Вамъ извѣстны фамильныя обстоятельства, побудившія меня вступить въ Малтійской Орденъ; онѣ такого состоянія, что мнѣ ихъ побѣдить не возможно безъ опорочиванія моихъ родственниковъ. Но я вознамѣрился прежде, нежели свобожусь отъ сихъ обязательствъ, привести въ безопасность участь Розы тайнымъ бракосочетаніемъ, къ которому вы ее, какъ надѣюсь, уговорите. Разсудите, что я полагаю въ ваши руки

ща-

щастіе или злополучіе моея жизни. Сія минута будетъ началомъ моея судьбины; она распространитъ или вѣчную радость или печаль по жизни, которую вы спасли съ опасностію своея собственныя. . . Подите, я вамъ сказалъ больше, нежели бы надлежало сказать другу; а во сто кратъ еще больше, нежели должно говорить Клерфонсу.

Какой жестокой выборъ для Клерфонса! Пользу своего друга, щастіе Розы, свое собственное, что изъ сихъ долженъ онъ предпочесть? Опытъ сей достоинъ его добродѣтели: но сердце страдаетъ, желаніе негодуетъ, любовь стенаетъ. . . Что до того нужды! Къ добродѣтельной душѣ страсть можетъ всегда быть допущена, но единая честь ею дѣйствуетъ.

Въ другомъ случаѣ Клерфонсъ преодолѣвалъ бы страсть своего друга съ стремленіемъ; онъ бы ему пред-

ставилъ отважность его намѣренія; досаду и мщеніе его фамиліи, честь своего дома, осужденіе свѣта, что хотя все предразсужденіе, однако весьма должно наблюдать; онъ бы предложилъ очамъ его всѣ плачевныя слѣдствія, которыя влечетъ за собою неравное супружество. Но онъ опасался, что бы всѣ сіи причины не основали свою силу на его собственной пользѣ; великодушіе его было столько вредно для его друга, сколько ему слабость его могла быть; и онъ столько же обманулъ его изъ своей нѣжности, сколько бы другой могъ учинить изъ подлости.

Клерфонсъ принявъ нѣкоторое мнимое спокойствіе, котораго онъ никакъ не чувствовалъ, пошелъ въ горницу къ Розѣ.

Конечно между сердцами двухъ любовниковъ господствуетъ вѣрнѣйшее согласіе, возвѣщающее имъ удовольствія и заботы.

Клер-

Клерфонсъ нашелъ свою любезную Розу столькоже печальну, какъ будто бы она предвидѣла, о чемъ онъ ей открыть намѣренъ; онъ взялъ отъсюда случай разсказать ей о любви и намѣреніи Кавалера Монтфорта, какъ о благополучной и удовлетворительной новости. Роза внимала началу его повѣствованія съ удивленіемъ, подобнымъ безумію: но едва сказалъ онъ рѣчь, какъ она вскочивши исполнена возторженія побѣжала въ свою горницу какъ безумная.

О Боже! возопила она; накрывъ руками орошенное слезами лице свое: вы мнѣ говаривали правду, жестокій другъ; что всѣ мущины обманщики: но на васъ ли мнѣ это испытать? Какъ! Весь мой полъ рожденъ къ тому, что бы быть игрушкою вашего и жертвою его невѣрности! Конечно, когда Клерфонсъ могъ обмануть меня, то клятвопреступленіе и вѣроломство обитаетъ въ сердцѣ каждаго мущины. Такъ вы могли столь скоро забыть свои клятвы и мои? Развѣ для

того вы требовали ихъ отъ меня, что бы ихъ презирать? Для чего вы ихъ сами дѣлали, когда вы ихъ намѣрены были нарушить? Такъ вы могли повѣрить, что мнѣ благополучіе было бы вмѣсто вашего дружества? Не сіе ли то благополучіе, назначаемое вами моему сердцу? Не это ли тѣ совѣты, которые для меня сохранило ваше сердце? *Неблагодарной!* могли ли вы помыслить, что бы я требовала такого благополучія, которое бы я съ вами не желала дѣлить? Ахъ? Естьли вы меня не находите больше достойною вашей нѣжности, то по крайней мѣрѣ я не заслуживала бы вашего неправосудія.

Нѣжныя жалобы Розы проникнули даже до глубины Клерфонсова сердца: но не могли загладить великодушнаго намѣренія жертвовать щастіемъ своимъ своему другу.

Укоризны ваши, дражайшая моя Роза, сказалъ онъ ей, взявши ее за руку,

руку, а другою отиралъ слезы, текущія по ея щекамъ; укоризны ваши пронзаютъ мою душу; могли ли вы подумать, что бы вы мнѣ хотя на минуту престали быть милы, и что бы моя преданность къ вамъ могла хотя малѣйшее сносить уменшеніе? И могу ли я вамъ показать еще большіе опыты, стараяся соединить васъ вѣчно съ такою особою, которая мнѣ по васъ всѣхъ милѣе въ свѣтѣ? Сердце ваше, продолжалъ онъ, принуждая скрыть движеніе своего: Сердце ваше клялось мнѣ довѣренностію и вѣчнымъ дружествомъ; а мое обязалось вашему подобнымъ обѣщаніемъ; но сіе непорочное и кроткое чувствованіе не включаетъ и не изключаетъ другаго живѣйшаго и нѣжнѣйшаго чувствованія; любовь допуститъ васъ скоро испытать въ объятіяхъ щастливаго супруга...

Въ сію минуту принужденіе, употребляемое Клерфонсомъ для сокрытія въ глубинѣ своея души движеній его

колеблющихъ, было безполезно. Слезы, которыя онъ хотѣлъ удержать, наполняли его очи, кои принужденъ онъ былъ отвратить отъ Розы. Онъ увидя, что она примѣтила его смущенie, старался оное отъ нея скрыть, ободряя между тѣмъ звонъ своего голоса: Конечно, Роза . . . . Повѣрьте . . . что сердце мое . . . Оное вамъ измѣняетъ, жестокiй: вы меня любите, вы насъ обманываете обоихъ; вскричала она, кинувшись въ его объятiя: нѣтъ, мой другъ, ты не изторгнешся изъ моего сердца. Въ сiю минуту Роза и ея любовникъ обнявшись другъ съ другомъ крѣпко повергнулись въ кресла, и пребыли въ семъ состоянiи, въ которомъ всѣ душевныя силы удаляются, сердце упоевается, а душа одна дѣйствуя похищаетъ у обезумленныхъ чувствъ всѣ ихъ опредѣленiя, въ семъ положенiи, которое опытомъ испытывается рѣдко, а изъяснить никогда не можно.

Приведши они сами себя въ гораздо спокойнѣйшее состояніе, бывъ не меньше нѣжны: какъ любезной Клерфонсъ, сказала Роза своему любовнику: какъ могли вы возпріять столь плачевное намѣреніе на тотъ только конецъ, что бы сдѣлать столь нечувствительнымъ свое сердце а мое бы разтерзать, и рѣшиться съ хладнокровіемъ на смерть такой женщины, которая васъ любитъ, и васъ обожаетъ? Жертвовать нашимъ благополучіемъ, минуемымъ желаніямъ друга? Какое ненавистное великодушіе! Какое странное понятіе о добродѣтели, дѣлать ее свирѣпою, дабы ее возвысить! Какая варварская жертва! Я теперь больше не удивляюсь, естьли слѣпая и свято безчеловѣчная ревность предлагала нѣкогда кровь человѣческую божеству, ее сотворившему. Сверьхъ сего какъ вы могли подумать, что бы Монтфортъ не былъ столькоже великодушенъ, какъ вы; и чтобы онъ не могъ рѣшиться жертвовать вамъ злощастною страстію,

когда

когда вы отказываетесь для него отъ склонности, содѣлавшей ваше щастіе? Для чего не быть ему столько же добродѣтельнымъ, какъ и вы, потому что онъ вашъ другъ?

Ахъ! Роза, не думайте, что бы предпріятое мною жестокое намѣреніе вдохнуто было въ меня гордостію, превзойти друга моего въ великодушіи; я самъ не думалъ никогда что нибудь сдѣлать великодушное; я былъ только упражненъ лѣстною мыслію, основать ваше щастіе, опредѣляя вамъ судьбу. . .

Ахъ! Клерфонсъ, можетъ ли такая душа, которую вы образовали по своей, получить отъ щастія какое успокоеніе? Могли ли вы сами подумать, что бы вы, желая служить мнѣ изъ нѣжности, оскорбляли меня своею несправедливостію.

Ахъ! дражайшій другъ, разсудите прилѣжно о блаженствѣ, насъ ожидающемъ, естьли вы удостоите

те на оное согласиться. Мы сами его почерпнемъ; сердца наши будутъ къ сему неизчерпаемымъ источникомъ. Никакой стыдъ, никакіе упреки, никакое раскаяніе не возмогутъ его поколебать; въ объятіяхъ любви будемъ мы говорить о добродѣтели не краснѣясь; чистыя наши души вкусятъ спокойствіе мира, и наши ясные дни потекутъ кротко, и болѣе ощасливятся свобожденіемъ отъ попеченій, нежели наслаждаясь увеселеніями.

Мы молоды, это правда; мы находимся въ первой еще разъ подъ обманчивою державою любви; но честь, наша сопутница, есть гораздо безопаснѣе, нежели подозрительной опытъ, до котораго только достигается чрезъ упражненіе въ порокахъ. Мы изберемъ безопасное убѣжище, которое имъ будетъ непроходнымъ; тихое жилище, простой и спокойной домъ, небольшую часть земли, которая будетъ пахана предъ нашими гла-

глазами, и садъ, имѣющій орошаться нашими руками. Гибкія липы, согбенныя силою твоихъ обьятій, возросши соединятся надъ бесѣдками на подобіе свода, для прикрыванія твоея Розы своею тѣнію; птицы не опасаясь быть испуганы, прилѣтятъ туда высиживать подъ своими крыльями драгоцѣнные залоги своея любви; прозрачной источникъ обростетъ зеленымъ дерномъ, на которомъ мы будемъ сидѣть другъ возлѣ друга; понесемъ щастіе въ тѣ страны, которыя намъ образъ онаго представятъ.

Мы будемъ наслаждаться чтеніемъ избранныхъ тобою книгъ и купно размышлять; ты меня поставишъ на стезю истинны, естьли я заблужусь; мудрость говорить будетъ твоими устами, а чувствія изъяснятся моими; и мы станемъ дѣлать иногда добро, къ которому намъ небо подастъ случай въ награжденіе.

Клер-

Клерфонсъ проникнутъ будучи удивленіемъ и любовію къ своей дражайшей Розѣ, клялся ей снова вѣчною вѣрностію. Ничтобы не могло сравниться съ его щастіемъ, естьли бы онъ не долженъ былъ оное дѣлать на щетъ своего друга; онъ весьма чувствовалъ прелесть его не вникая, сколь трудно ему отказать.

Онъ оставилъ Кавалера Монтфорта въ толь жестокомъ положеніи, что онъ въ тужъ минуту хотѣлъ итти и у него отнять всю надежду. Сверьхъ того какъ его о семъ увѣдомить, что онъ самъ былъ непреодолимымъ препятствіемъ, противящимся его щастію? Тщеславиться ли ему великодушнымъ вознамѣреніемъ, которое бы не имѣло никакихъ дѣйствій? Представлять ли ему безполезныя услуги, тщетное утѣшеніе? обѣщать ли ему новую жертву, о которой онъ довольно зналъ, что она болѣе не въ его состояла власти? Какое жестокое замѣшательство для толь чувствительной души, какова Клерфонсова!

фонсова! Не зная на чемъ рѣшиться, предложилъ онъ Розѣ не отнимать у его нещастнаго друга вдругъ всю надежду, и пощадить, естьли возможно, нѣсколько времени его слабости не лаская однако его страсти.

Я готова, другъ мой, отвѣчала ему Роза, теперь и всегда дѣлать все то, что бы вы отъ меня ни потребовали: но притворство не свойственно моему духу. Кавалеръ увѣдая о моей къ себѣ любви не преминетъ со мною о томъ говорить; что мнѣ ему отвѣчать? Думаете ли вы, что мнѣ возможно его обмануть? ... Ахъ! Клерфонсъ, презрѣнная ложь развѣ сдѣлана для того, что бы обитать ей въ сердцѣ, вами обладаемомъ? Сверьхъ сего это значитъ питать его нещастіе, естьли ему льстить; а обмануть его въ минуту, значитъ его измѣнить.

Клерфонсъ употреблялъ всевозможное стараніе удержать Розу отъ

того,

шого, чшо бы она не сшоль спѣшила у своего друга изъ любви къ истиннѣ отнять всю надѣжду, и разтерзать у него сердце изъ великаго дружества.

Онъ ее оставилъ, чшо бы подумашь ему о средствахъ, которыя онъ долженъ былъ употребить въ толь нѣжномъ случаѣ.

Въ такомъ обстоятельствѣ, гдѣ только можно принять хорошую сторону, благоразумiе можетъ просвѣтить чрезъ свои совѣты: но при ужасномъ положенiи, гдѣ только должно сравнивать досады, всякое просвѣщенiе безполезно; самое чувствованiе, которое можетъ быть единымъ судьею, молчитъ или противится само себѣ; не можно принять твердаго намѣренiя и остаться въ нерѣшимости; нѣтъ ни силы желать ни столько разума, что бы избрать. Сердце принуждено перетягивать всѣ печальныя средства, и испытывать надъ самимъ собою острiе всякаго оружiя, между которыми оно должно

выбрать то, которое пронзаетъ сердце своего друга, оно испытываетъ постепенно всѣ раны.

Клерфонсъ два часа ужѐ прогуливаясь по саду, углубленный въ сіе трудное и печальное чувствованіе, не могъ остаться ни на какомъ предпріятіи, какъ прибыло общество госпожъ и господъ по сосѣдству живущихъ для заплаченія взаимнаго посѣщенія Графинѣ Лозанъ, которая сдѣлала имъ при своемъ прибытіи посѣщеніе.

Клерфонсъ обрадовался сему приключенію, доставившему ему нѣсколько минутъ больше. Онъ надѣялся найти нѣкоторыя изъ сихъ благопріятныхъ минутъ, которыя только единой случай раждаетъ, и коихъ напередъ никогда не можно предвидѣть.

Всѣ мущины были очарованы Розою; они между собою спорились о преимуществѣ служить ей. Самыя дамы не взирая на достоинство своего деревенскаго дворянства не погнушались обойтись съ нею дружественно.

Одинъ

Одинъ молодой ландмилицкой офицеръ нашелъ ее преимущественно по своему вкусу; онъ пришолъ съ баталіономъ изъ провинціи на шесть мѣсяцевъ для вступленія въ караулъ вмѣсто гарнизу въ семъ городѣ, которой для него казался весьма веселымъ, и заставилъ его принять о себѣ чрезвычайно высокія мысли: онъ научился дѣлать свое почтеніе женщинамъ у кофейницы и у нѣкоторыхъ дѣвушекъ лавошницъ, и по тому то онъ воображалъ, что никакъ не возможно, что бы Роза въ состояніи была противиться толь многимъ его преимуществамъ.

Графиня, которая ни на минуту не теряла изъ виду своихъ предпріятій, вознамѣрилась употребить къ сему сего молодаго безразсудника. Ей удалось отдалить его на нѣсколько минутъ отъ Розы, къ которой онъ былъ привязанъ, и которую онъ ужѐ болѣе не оставлялъ. Она говорила съ нимъ о сей дѣвицѣ съ похвалою, возвышала ея красоту; а

особливо склонность ея къ любви. Она примолвила къ тому, что сія молодая особа осаждена будучи двумя родами философовъ не желала ничего лучше, какъ отдать свое сердце первому молодому любви достойному человѣку, которой у нее попросилъ бы его; и онъ бы былъ гораздо способнѣе получить оное, нежели всякой другой; но какъ сія молодая особа напоена предразсужденіями, то долженъ онъ съ нею обходиться посолдатски и не давать ей времени на разсужденіе; очаровательныя прелести пріятнаго молодаго человѣка, склонность его къ нѣжности, все побудитъ ее здаться безъ сопротивленія.

Молодой человѣкъ упоясь самолюбіемъ и желаніемъ, преисполнясь лѣстнѣйшею надеждою, отложилъ исполненіе онаго не далѣе какъ до послѣполудни. Онъ пришолъ опять къ Розѣ и не оставлялъ ее болѣе; онъ подалъ ей руку вести ее къ столу, за коимъ сѣлъ онъ вмѣстѣ съ нею,

при-

прислуживалъ ей, а послѣподалъ ей руку итти вмѣстѣ прогуливаться, Графиня же не теряя ихъ изъ виду доставила ему случай, коего онъ искалъ, проводя обоихъ въ отдаленную рощицу, въ коей оставила ихъ однихъ подъ видомъ нѣкоторой небольшой надобности.

Роза видя, что она назадъ не возвращается, хотѣла изъ оной выити, что бы соединиться съ гостями. Но сей нахалъ сему возпротивился, и взявши ее въ свои объятія изъяснялся ей въ своемъ намѣреніи солдатскими выраженіями.

Роза отъ страха пришедши внѣ себя, кликала Графиню изъ всѣхъ своихъ силъ, а онъ ей заграждалъ уста наглымъ поцѣлуемъ. Трепещущая Роза видя, что ей никакой помощи ни отъ кого надѣяться не оставалось, повергласъ къ его ногамъ и просила его наитрогательнѣйшими выраженіями не продолжать своихъ обидъ, и

 кля-

клялась ему, что она скорѣе согласится предать себя смерти, нежели оное понести безчестіе.

Роза въ семъ плачевномъ положеніи и утопая въ слезахъ, могла бы привесть въ жалость и смягчить самаго варвара, не могла ничего получить отъ сего наказанія достойнаго молодаго человѣка. Онъ столько былъ безстыденъ, что повалилъ ее насильно на землю, и схватя у нея руки маралъ ея прелести наказанія достойными ласками. По нещастію забылъ онъ при своемъ прибытіи снять охотничей ножикъ, которой онъ носилъ на бедрѣ. Роза выбившись изъ силъ, и видя, что ни одинъ человѣкъ нейдетъ къ ней на помощь, и что ей ничего не остается кромѣ безчестія или смерти, овладѣла симъ оружіемъ, что бы вонзить оное себѣ въ грудь. Молодой человѣкъ изпугавшись такого дѣйствія хотѣлъ у нее его вырвать; но какъ они въ семъ препиралися, то Клерфонсъ побѣ-

побѣжалъ увидя съ небольшаго возвышеннаго валу первыя предпріятія сего наглеца и поспѣлъ на помощь къ Розѣ. Какое зрѣлище для любовника. Онъ нашелъ ее повергнутую на землѣ съ разтрепанными волосами, окровавленными руками; онъ себѣ представилъ, что она защищается противу железа сего чудовища; онъ напавъ на него схватилъ его за волосы и могущественною своею силою, отъ природы ему дарованною, поднявъ низвергъ ево въ ровъ, подлѣ котораго сіе ужасное произходило дѣйствіе; поднявъ свою драгую Розу взялъ ее въ свои объятія для пренесенія въ за́мокъ; но по нещастію встрѣтился онъ съ гостями которыхъ крикъ Розы привлекъ. отецъ Вервилля увидя издали поступокъ сыномъ его отъ Клерфонса понесенной бѣжалъ отмстить; Клерфонсъ, не оставляя драгоцѣнное бремя, заключенное въ своихъ объятіяхъ, ударивъ его ногою повергъ сего злобнаго старика далеко отъ

 себя

себя и продолжалъ весьма скорыми стопами путь свой къ замку, и будучи ужѐ не далеко отъ онаго услышалъ нѣкого бѣгущаго за собою, оборотился въ тужь минуту и увидѣлъ, что трусливой Первилль, ушедшей изъ рукъ вытащившихъ его изъ канала стремится вонзить ему шпагу въ бедру; но Клерфонсъ симъ принужденнымъ движенiемъ подвергъ оплошно удару своего злодея ту, которая ему была сто кратъ дороже собственной своей жизни; кровь ужѐ текла по его платью, но онъ, сколько можно, вторичной замахъ своего убiйцы одною отвратилъ рукою, а другою посадилъ на траву свою любезную Розу; такимъ образомъ освободясь онъ отъ сего драгоцѣннаго бремя выдернулъ тычину и съ перваго удара, учиненнаго своему непрiятелю, повергъ его мертва къ своимъ ногамъ.

Одна минута перемѣнила нѣжное и человѣческое сердце разумнаго Клер-

Клерфонса; онъ дышалъ отмщенiемъ. Тѣ, которые хотѣли противиться ему, были съ одного повергаемы замаху; ничто не можетъ противустоять ему; онъ свирѣпой левъ, у котораго мщенiе удвояетъ силы.

Онъ бросаетъ взгляды на свою возлюбленную Розу, которую казалось забылъ, и видитъ ее лежащую на травѣ безъ всякаго движенiя, покрытую смертельною блѣдностiю; онъ беретъ ее въ свои объятiя и уноситъ съ сего ужаснаго мѣста, и лишь только принесъ онъ ее въ зáмокъ, то она очувствовалась, и первой взглядъ довольно показалъ, что легкая рана, которую она получила въ руку, не можетъ произвести опаснаго слѣдствiя.

Отъ радости ли, которую Клерфонсъ испыталъ при семъ щастливомъ открытiи, или отъ ужаса, которой онъ чувствовалъ отъ такихъ кровопролитныхъ и терзающихъ приключенiй въ своемъ чувствительномъ

сердцѣ, впалъ онъ тотчасъ въ такіе жестокіе обмороки и судороги, что въ опасности была его жизнь; они продолжились чрезъ цѣлой день и только что подъ вечеръ нѣсколько утихли.

Врачь, за которымъ послана была коляска, пріѣхалъ и велѣлъ ему принять сердцекрѣпительное лѣкарство, усыпившее его на нѣсколько часовъ. А по пробужденіи онъ не чувствовалъ больше ничего, кромѣ великой слабости, необходимаго слѣдствія столь жестокаго состоянія.

Безъ сомнѣнія подумаютъ, что Графиня Лозанъ находилась въ отчаяніи отъ плачевныхъ слѣдствій, послѣдовавшихъ отъ ея наказанія достойнаго умысла. Конечно она впала въ такое состояніе, но отъ того, что предметы ея мщенія не сдѣлались жертвою онаго.

Между тѣмъ сердце Клерфонса раздиралось раскаяніями о неумѣренности своего хотя справедливаго мщенія; од-

однако его увѣрили, что Вервилль не опасенъ въ разсужденіи своей жизни.

Какъ скоро Кавалеръ Монтфортъ провѣдалъ, что безпокойныя движенія его друга нѣсколько утихли, то онъ просилъ свою сестру и Розу ходить препровождать нѣсколько минутъ въ его горницѣ, дабы дѣлить боль его, единое средство ее облегчить; ибо безвремянныя утѣшенія раздражаютъ только истинныя сѣтованія. Въ самое то время, какъ они упражнены были болѣзнованіемъ о немъ, пришли къ нимъ съ увѣдомленіемъ, что толпа судебныхъ разсыльщиковъ приближается къ замку.

Монтфортъ приказалъ поднять скоро мосты съ тѣмъ, что бы имѣть время принять намѣреніе, Клерфонсъ надѣясь на свою силу и храбрость, желалъ, что бы имъ отворили вороты; Графиня, которая ничего больше не желала, какъ видѣть его погибшимъ при кровопролитномъ случаѣ,

под-

подтверждала сіе твердое предпріятіе, и увѣряла, что не достойно дворянину спасаться бѣгствомъ въ какомъ бы то случаѣ ни было. Но какъ братъ его представлялъ ему ужасныя слѣдствія мятежничества противъ судей, нещастіе, въ которое онъ ихъ ввергнетъ отъ своего упрямства, то Клерфонсъ склонился на прозьбы своего друга и на слезы Розы, и согласился скрыться въ подземельной сводъ, употребляемой еще во время гражданскихъ браней, у котораго никакъ не возможно было примѣтить входу и отверстія.

Потомъ отворили разсыльщикамъ вороты, сопровождаемымъ государевымъ придверникомъ, которой принесъ противъ Клерфонса указъ. Увѣрены будучи, что онъ не могъ уйти, препроводили цѣлой день въ исканіи. Вѣроломная Графиня не смѣя показать имъ убѣжище Клерфонса прямо: но проходила мимо онаго столь часто со всѣми знаками опасенія, что притворнымъ принужденіемъ своихъ безпо-

покойствѣ пособила ищущимъ къ открытію его.

Но какъ отверстіе чрезвычайно было узко, и едва одинъ человѣкъ могъ вползти, то бы въ другое время очень весело посмотрѣть, какія всякой дѣлалъ учтивости уступая преимущество своему товарищу.

Но какъ сила и храбрость Клерфонса была свѣдома всѣмъ окрестнымъ жителямъ, то дѣланы были разпоряженія всякаго рода. Придверникъ утверждалъ, что надлежитъ правителю бригады лесть первому; а начальникъ приказывалъ своимъ подчиненнымъ, которые отвѣчали, что они готовы только слѣдовать за нимъ, а не предшествовать ему. Наконецъ главноначальствующій рѣшился, и ступя храбро три или четыре шага, сказалъ, что онъ ощупалъ дно, и что это ничто иное, какъ маленькой погребъ, въ которомъ нѣтъ ничего. По семъ увѣреніи въ ту же минуту

нуту

нушу изобразилЪ на письмѢ о обЪискѢ, вЪ которомЪ онЪ обЪяснился, что виноватой скрылся.

По отбытіи разсыльщиковЪ Клерфонс вышелЪ изЪ своего подземельнаго жилища, и вознамѢрился, для отклоненія всѢхЪ приключеній, отбыть вЪ послѢдующую ночь и скрыться у одного изЪ своихЪ друзей, и тамЪ дожидаться по тѢхЪ порЪ, пока затихнетЪ сіе дѢло.

Новая еще предстояла трудность побудить его кЪ отЪѢзду. Надлежалоли ему оставить Розу на жертву ея печали, а друга своего злощастной страсти и разлучиться сЪ ними обоими вЪ такое время, когда они имѢли крайнюю нужду вЪ его помощи? ОнЪ не могЪ на то согласиться, и должно было, что бы его на то склонить, открыть ему о смерти молодаго раненаго Вервилля, и представить ему всѢ плачевныя слѢдствія, могущія произойти отЪ сего дѢла, ежели его захватятЪ.

На-

Наконецъ поѣхалъ онъ со всѣми терзаніями въ сердцѣ, какія любовникъ чувствуетъ разставаясь съ своею обожаемою любовницею; безмѣрная его любовь подвергаетъ его испытанію тысячи страховъ, кои онъ почитаетъ за плачевныя предчувствія, которыя слѣдствіе часто съ лишкомъ оправдываетъ.

Роза не меньше отягчена была печалію и объята страхомъ; но обѣщанія, чинимыя ей Монтфортомъ, ничего не жалѣть для возвращенія своему другу спокойствія, оставили онымъ нѣсколько минутъ сей нѣжной наслаждаться дѣвицѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Кавалеръ не щадилъ ни своихъ стараній, ни своихъ друзей, ни своего щастія для приведенія къ благополучному окончанію сего дѣла: но отецъ Вервилля не хотѣлъ внимать никакому предложенію и гналъ тѣмъ больше Клерфонса со всякою жадностію мщенія.

Сынъ

Сынъ его, пораженный въ глазахъ его, причиненное ему самому поруганіе, были образы, которые онъ себѣ безпрерывно возобновлялъ. Ему не возможно было о законности его наказанія напоминать: онъ зналъ только законность своего отмщенія.

Кавалеръ Монтфортъ видя съ печалію, что все его стараніе было безполезно, что другъ его не можетъ такъ скоро появиться не подвергнувъ себя великой опасности, и при томъ самъ боялся, что бы онъ не открылся въ своемъ убѣжищѣ, которое находилось очень близко; присовѣтовалъ ему удалиться на нѣсколько лѣтъ, обнадѣживая его, что время, которое все послабляетъ, можетъ укротить такое неистовство его непріятелей.

На нѣсколько лѣтъ! вскричалъ Клерфонсъ при чтеніи письма своего друга: одно воображеніе кажется мнѣ сто кратъ ужаснѣе самой смерти... Но какое ужасное свѣтило является въ моемъ

сердцѣ!

сердцѣ! Какое страшное подозрѣніе обладаетъ моею душею!.. О небо!... Монтфортъ влюбленъ въ Розу; она ему признается въ нѣжности, которую она ко мнѣ имѣетъ! Она чистосердечна и не возможетъ сего скрыть ... ревнивость вдыхаетъ въ меня мщеніе,.. все открыто.

Сія печальная мысль сверкнула какъ молнія по сердцу Клерфонса; онъ былъ столько же мало въ состояніи остаться при мысли вѣроломства, какъ и учинить оное. Нещастіе можетъ конечно возбудить подозрѣніе въ уязвленномъ печалію сердцѣ, но добродѣтельное не дѣлаетъ оно никогда несправедливымъ.

Однако между тѣмъ Клерфонсъ не могъ рѣшиться оставить свою дражайшую Розу; онъ не забывалъ писать къ ней ежедневно наинѣжнѣйшія письма. Я слышу, что любовники иногда жалуются, что любовь имѣетъ только одни общія и часто повторенныя выраженія: но сколькожъ она

умѣетъ оныя перемѣнять, и вмѣщать вмѣсто ихъ восхищеніе, сладость, побѣды, нѣжность, жизнь и чувствованіе? Только тогда краснорѣчіе ея ограничено, когда то сама есть любовь.

Отвѣты Розы не меньше были трогательны; она была столько естественна въ своихъ обращеніяхъ, и столько пылка въ своихъ выраженіяхъ, что казалось, какъ будто бы сама любовь чувствовала чрезъ ея сердце и выражалась ея устами.

Клерфонсъ оставилъ въ самомъ дѣлѣ за́мокъ, въ которомъ онъ скрывался тайно, и удалился въ хижину нѣкотораго дровосѣка, лежащую разстояніемъ на три только мили отъ за́мка Монтфортскаго, въ которой онъ на ночь могъ бы отбывать, а предъ разсвѣтомъ возвращаться въ оную обратно. Онъ скрывалъ новое свое убѣжище отъ своего друга не для того, будто бы его довѣренность уменшилась, но потому, что онъ началъ имѣть нѣкоторое подозрѣніе на Графиню,

финю, и зналъ всю власть, которую она имѣла надъ своимъ братомъ.

И такъ Клерфонсъ написалъ только къ своей любезной Розѣ о своемъ мѣстѣ пребыванія, и просилъ ее никому, кто бы онъ ни былъ, о немъ не открывать; притомъ приписалъ также къ своему другу и Графинѣ поклоны, и обѣявилъ имъ, что онъ отправился въ путь, и обѣщалъ имъ отписать такъ скоро, какъ скоро положитъ основаніе на какомъ мѣстѣ своему пребыванію.

Монтфортъ совершенно упражненъ будучи злощастіемъ своего друга, казалось забылъ любовь свою къ Розѣ, или по крайней мѣрѣ удерживался съ ней говорить о томъ изъ почтенія, по причинѣ глубокой печали, которою она казалась быть снѣдаема.

Не сего желала Графиня; и изгнанный Клерфонсъ еще не удовольствовалъ ея отмщенія; и такъ она вознамѣрилась подвергнуть паки

страсть своего брата искушенію, которому противиться ему было не возможно.

Она принуждала Розу ходить часто къ себѣ спать подъ разными видами. Она довольно знала, сколько сія довѣренность споспѣшествуетъ возстановленію между двумя женщинами тѣснѣйшаго дружества; она осыпала ее ласками, предлагала ей тысячу разъ услужить, показывала ей сильнѣйшіе опыты своей довѣренности, и чрезъ то наконецъ снискала оную у легковѣрной Розы, которая ей открыла пристанище Клерфонсово, и призналась купно во взаимной съ нимъ перепискѣ, которую она съ нимъ имѣла посредствомъ одного слуги, оставленнаго ей Клерфонсомъ для переношенія ея къ нему писемъ.

Графиня похваля сіе притворно обѣщалась ей служить. Какъ довѣренность ихъ съ каждымъ днемъ возрастала, то Роза не почла наконецъ

ни

ни мало за препятствіе открыть ей то, что Клерфонсъ у нея уже давно проситъ соглашенія повидаться ночью, что бы изъясниться съ нею о множествѣ дѣлъ, о коихъ ему не можно къ ней писать; къ тому примолвила она, что она всегда въ томъ ему отказывала; не для того, что бы она сомнѣвалась о благоразумныхъ и чистыхъ его намѣреніяхъ, но поелику она опасалась, что бы его вмѣстѣ съ нею или одного не захватили на дорогѣ.

Графиня схватилась съ жадностію за сей случай, столь изрядно споспѣшествующей ея предпріятіямъ; она ободряла Розу въ разсужденіи ея страха, подкрѣпляла ее въ ея предпріятіяхъ, оправдывала ее въ ея желаніяхъ, и наконецъ до того довела, что побудила ее отписать къ Клерфонсу, что бы онъ находился въ назначенной часъ у воротъ сада, ведущаго къ звѣринцу съ кроликами, у коихъ найдетъ своего вѣрнаго слугу,

гу, которой проводитъ его въ одну изъ бѣседокъ, находящихся на концѣ буковаго лѣсочка, ведущаго къ каскаду или водопаду. Графиня сказывала ей письмо сама, и наполнила оное любострастнѣйшими выраженiями.

Сiе дружеское разглагольствiе продолжилось до глубокой ночи, и на́чало уже прежде свѣтать, нежели Роза заснула: а Графиня не смыкала и глазъ. Безпокойное и упражненное злодѣйство бдитъ, между тѣмъ какъ спокойная невинность предается сладкому сну.

Выдумавъ свое намѣренiе и принявъ достаточныя мѣры встала она и приказала просить брата своего притти къ себѣ въ горницу. Онъ къ ней пришелъ; съ начала разговаривала она съ нимъ о безпристрастныхъ вещахъ, а наконецъ попросила его войти въ свою спальну, посмотрѣть Розу, препроводившую всю ночь съ нею, проснулась ли она.

Гра-

Графиня вставши съ постели, старалась все прибрать, что могло задержать взоръ брата ея. Онъ вошелъ и былъ пораженъ. Онъ пребылъ нѣсколько времени неподвижнымъ; но наконецъ влекомъ будучи желаніемъ, приближился съ трепетомъ къ постелѣ, и несетъ свои уста... Сестра его, которая за нимъ все примѣчала, вошла въ сію минуту; присутствіе ея привело его въ недоумѣніе и покрыло его стыдомъ: но она привела его паки въ себя чрезъ улыбку, выражающую больше споспѣшествованія, нежели укоризны; въ самую сію минуту Роза пошевелилась, что казалось возвѣщало скорое ея отъ сна возбужденіе.

Виновная Графиня, торжествовавшая надъ состояніемъ, въ которомъ она видѣла своего брата, взяла его за руку и отвела въ ближайшую горницу: Ахъ! сестрица, сказалъ онъ ей, ты меня погубила; я не могу противиться движеніямъ,

мною ощущаемымЪ; не кровь, но огонь пылаетЪ вЪ моихЪ жилахЪ; онЪ пожираетЪ меня, сжалься надЪ моимЪ состояніемЪ.

Весьма естественно, отвѣчала она ему, взявши его нѣжно вЪ свои обЪятія, что бы я обЪ васЪ сострадала; да и жаль бы было, что бы такія прелести были добычею вѣроломца; Клерфонсу онѣ посвящены . . .

Сестрица! ты сЪ ума сходишЪ; онЪ можетЪ статься насто миль отсюда. . . Ему самому, говорю я тебѣ: . . . КакЪ? Мудрой КлерфонсЪ, добродѣтельной КлерфонсЪ, . . . сдѣлался вѣроломнымЪ другомЪ, лицемѣрнымЪ философомЪ, и наслаждается спокойно удовольствіями порока и честію добродѣтели. Но вотЪ извольте, примолвила она, когда рѣчи мои не находятЪ никакой довѣренности вЪ вашемЪ слабомЪ сердцѣ, и когда самая ваша любовь не можетЪ васЪ просвѣтить вЪ вашей слѣпой кЪ нему

дружбѣ,

дружбѣ, сіе письмо можетъ статься будетъ гораздо сильнымъ вамъ увѣреніемъ.

Монтфортъ, котораго увѣрительной голосъ сестры его ужѐ поколебалъ, взявъ сіе письмо развернулъ съ жадностію; при всякой строкѣ измѣнялся въ немъ цвѣтъ лица и положеніе. Возможно ли! вскричалъ онъ, что бы дѣвица, носившая на себѣ образъ невинности и чистосердечія, сдѣлалась чудовищемъ лжи и лицемѣрія? Что бы другъ, котораго я ужѐ десять лѣтъ почиталъ за образецъ добродѣтели, могъ быть скопищемъ пороковъ, вѣроломнымъ другомъ, подлымъ обманщикомъ? ... тотъ, котораго любилъ я какъ брата, почиталъ яко отца, которому ввѣрялъ я нѣжнѣйшія приключенія моего сердца, которой обѣщалъ мнѣ помощь и утѣшеніе свое!,.. Нѣтъ; нѣтъ ни вѣрности ни честности на земли! и то, что называютъ добродѣтелью, есть ничто иное, какъ на-

накладная личина, подъ которою скрываются пороки, что бы имъ не столько казатся гнусными.

Но скажи мнѣ сестрица, что мнѣ дѣлать, какія принять мнѣ мѣры; ты довольно понимаешъ, что сердце мое весьма безпокоится, а самъ я не могу предпріять никакого вознамѣренія. Ты должна мною управлять, на тебя я полагаюсь.

Надлежитъ только, отвѣчала ему Графиня, принявши на себя видъ не столько гнѣвной, сколько льстительной: надлежитъ только употребить законное мщеніе; оно позволительно, какъ скоро оно не выходитъ изъ предѣловъ справедливости: Клерфонсъ обманулъ тебя въ твоей любви; предускори его въ его увеселеніяхъ; останься въ кабинетѣ вмѣсто него; а о прочемъ пещись положи на меня.

Графиня видя, что ея робкой братъ сомнѣвался еще, то она взяв-

ши

ши его за руку повела въ горницу, въ которой Роза еще не пробудилась. Смотри, сказала она ему, то, что ты отвергаешъ, сдѣлается въ сію ночь добычею ненавистнаго соперника. . . Минута сего очаровательнаго зрѣлища подѣйствовала больше, нежели всѣ рѣчи Графинины. Виновной ея братъ согласился на все; и письмо было послано.

Съ начала устрашаемся мы взору порока: но какъ скоро отважишься посмотрѣть ему въ лице; то онъ перемѣняетъ тотчасъ свой видъ.

Нещастный Монтфортъ чувствовалъ чрезъ весь сей долгой день всю нетерпѣливость, которую можетъ возбудить желаніе, всякое безпокойство, которое производитъ страхъ, и всѣ мученія, которыя можетъ причинить ревнивость.

Вѣроломная Графиня намѣрялась было съ начала вести Клерфонса въ каби-

кабинетъ въ ту минуту, когда Роза была въ объятіяхъ ея брата, и учинить изъ того кровопролитное произшествіе, подобное съ Вервиллемъ; но небо не допустило столь ужасному умышленію исполниться.

Ей пришло на мысль попользоваться самой заблужденіемъ Клерфонса, и заступить мѣсто Розы. И такъ она сказала слугѣ, которой долженъ былъ его ввести, что бы онъ повелъ его въ кабинетъ на правой сторонѣ находящейся, а брату своему и Розѣ уступила повидаться въ кабинетѣ на лѣвой рукѣ лежащемъ.

Наконецъ нещастная минута каждымъ ожидаемая съ нетерпѣливостію приближилась. Клерфонсъ, которой въ урѣченной часъ пришолъ, проведенъ былъ въ то мѣсто, гдѣ онъ былъ ожидаемъ Графинею, а Роза была ужѐ въ томъ, гдѣ она уповала найти Клерфонса, ночь же была темная.

Клер-

Клерфонсъ по обнятіи нѣжно Графини: всякому другому какъ и вамъ показалось бы весьма странно, говорилъ онъ ей въ своемъ заблужденіи, что человѣкъ въ мои лѣта, въ сіе время требуетъ свиданія отъ толь обманчивой особы, какъ вы; и хотя требуетъ для того, что бы попросить ее, не терять изъ виду своихъ должностей: Вы забудете мои совѣты, но я уповаю, что вы вспомня обо мнѣ вспомните и объ оныхъ; не забывайте никогда добродѣтель, ни вашего друга; и оба бы всегда равномѣрно милы были вашему сердцу; и вѣрьте, что небо . . .

Графиня перервала сіе продолженіе нравоученій источниками поцѣлуевъ, удивившихъ Клерфонса.

Послушайте меня Роза . . . ласки ваши конечно мнѣ милы . . . но . . .

Графиня довела столь далеко нескромность своихъ восхищеній, что разгнѣванный Клерфонсъ принужденъ

былъ

былЪ вырваться изЪ ея обЪятій. О небо! Вскричалъ онЪ! О Роза, не безуміе ли это? Не лишеніе ли это чувствЪ?.. Или я долженЪ думать, что сердце твое такЪ скоро развратилось отЪ наставленій Графини...

ВЪ самую сію минуту она смирясь и смутившись конечно бы убѣжала: но побѣдоносное любострастіе утушило тогда всѣ другія чувствія вЪ ея душѣ; она кинулась на софу; вздохи ея умножаясь возвышались и заставили думать Клерфонса, что она занемогла; онЪ кЪ ней приближился; она схватила его за руку сЪ неистовствомЪ; изступленія ея продолжаются и умножаются... разгнѣванной КлерфонсЪ сЪ негодованіемЪ вырвавшись у нея спасался бѣгствомЪ исполненЪ будучи удивленія и смятенія.

МонтфортЪ сЪ своей стороны, которой также не щастливѣе былЪ вЪ своихЪ постыдныхЪ предпріятіяхЪ,

тіяхЪ, побѣжденный трогающими выраженіями, съ коими Роза принявъ его за Клерфонса къ нему обратилась, нашелъ себя принужденнымъ оставить сію дѣвицу, которая отъ удивленія, смущенія и печали осталась неподвижна. Такимъ образомъ отъ гнусныхъ Графининыхъ хитростей, Монтфортъ, Роза и Клерфонсъ чувствовали всѣ трое раздиранія сердца, которое принуждено иногда бываетъ самые драгіе предметы своей нѣжности презирать и ненавидѣть. Самыя жалобы ихъ любви вызываютъ ихъ ненависть и отмщеніе, когда они самыми тѣми предметами, которые имъ столь были дороги, озлоблены, поруганны и презрѣны. Какое жестокое состояніе!

Клерфонсъ возвращается обратно тихими стопами въ свое обиталище раздираемъ печалію; при всякомъ шагѣ остонавливался для испусканія глубокихъ вздоховъ ни мало сердце его не облегчающихъ. По приходѣ своемъ домой про-

прочиталЪ еще одинЪ разЪ письмо отЪ Розы, вЪ которомЪ нашелЪ онЪ выраженія, кои онЪ сЪ начала почиталЪ за нѣжность, дѣйствительно значащія любострастіе: о Роза! выговорилЪ онЪ, одна минута погубила васЪ. . . я это напередЪ довольно предвидѣлЪ, что виновная Графиня. . . она васЪ прельстила; она показала вамЪ удовольствіе; и вы позабыли честь. Но когда столь мало потребно было времени кЪ вашему паденію, то я не долженЪ помышлять о вашемЪ обращеніи. ВашЪ слабой полЪ имѣетЪ весьма великую склонность кЪ любострастію, а весьма малую кЪ добродѣтели: но не долженЪ ли я сдѣлаться таковымЪ, сказалЪ онЪ обратясь смиренно самЪ кЪ себѣ; такЪ конечно, это та безсчастная минута, вЪ которую я не могЪ противиться владычеству ея прелестей, и обманчивымЪ ея слезамЪ. Вы меня видѣли слабаго, и сами были слабы; я нарушилЪ дружество, а ты измѣнила своей должности: АхЪ? Не-

Нещастный, и ты тщеславишся имѣть еще нѣкоторую добродѣтель; бѣги, скрывай смущенiе свое отъ глазъ всѣхъ; ищи какую нибудь дикую пещеру, къ которой смертные не дерзаютъ приближиться . . . Но увы! Сего не довольно, что бы скрыться отъ людей; ты долженъ искать такого убѣжища, гдѣ бы ты могъ избѣжать угрызенiй совѣсти.

Клерфонсъ оставилъ хижину дровосѣка, въ которую онъ ушолъ и хотѣлъ удалиться въ монастырь К . . ., лежащей посредѣ лѣса, къ которому никто изъ смертныхъ не покушался приближиться; столько онъ былъ пустъ и дикъ.

Положенiе сего мѣста соотвѣтствовало состоянiю Клерфонсовой души, и доставляло ему нѣкоторой родъ облегченiя, питая его унынiе. Онъ находилъ во всѣхъ предметахъ такое же отвращенiе, какое и къ самому себѣ чувствовалъ. День пре-

провождалъ онъ въ медлительномъ возползновеніи на вершины каменистыхъ горъ, которыхъ отломки казалось угрожали раздробить ему голову, а съ большимъ еще трудомъ сходилъ съ оныхъ, ожидая тысячу разъ низвергнуться въ бездну стремнинъ, которыхъ глубину устрашенный взоръ не осмѣливался измѣрять. Утомленный толь труднымъ восхожденіемъ и низхожденіемъ, садился онъ на нѣсколько сухой мохъ, и обозрѣвалъ увядшія произрастѣнія, поблеклую траву и облетѣвшія древеса съ такимъ удовольствіемъ, какое мы обыкновенно чувствуемъ весною взирая на зеленѣющуюся траву и на изпещренныя благоуханными цвѣтами луга. Сіе плачевное мѣсто, говорилъ онъ, пребудетъ всегдашнимъ моимъ обиталищемъ; природа умерла здѣсь подобно надеждѣ во глубинѣ моего сердца.

Клерфонсъ жилъ уже съ годъ въ сей пустынѣ, и думалъ препро-

водить въ ней остатокъ своей жизни. Онъ при отъѣздѣ своемъ въ монастырь, въ которой онъ ушелъ, писалъ къ Кавалеру Монтфорту, а спустя нѣсколько времени послѣ своего въ оной прибытія писалъ еще однажды, но не получалъ на то ни единаго отвѣта: оставленіе своего друга столько же его чувствительно трогало, какъ и потеряніе своей возлюбленной. Конечно, говорилъ онъ самъ съ собою, узналъ онъ о измѣнѣ, въ которой я сдѣлался виновнымъ въ разсужденіи его любви; и я долженъ почитать его ко мнѣ холодность за наималѣйшее изъ наказаній, которыми онъ меня отягчить долженствовалъ; столь умѣренное мщеніе есть опытъ, что онъ удостоилъ меня еще вспомнить о долговременномъ нашемъ дружествѣ; можно ли съ вѣроломнымъ другомъ поступить снисходительнѣе, какъ ежели его со всемъ его вѣроломствомъ предать забвенію?

Я долженъ отрѣчься отъ свѣта, и соединиться на вѣкъ съ сими святыми пустынниками, которые очистятъ душу мою примѣрами своего благочестія и упражненіемъ въ своихъ добродѣтеляхъ.

Исполненъ сими мыслями, открылся онъ начальнику, похвалившему довольно столь святое намѣреніе, которое онъ назвалъ дѣйствіемъ благодати, и почелъ за видимой знакъ къ его домѣ небѣснаго покровительства, которое благоволило присоединить имъ человѣла, яко брата, которой бы имъ служилъ примѣромъ.

Но, примолвилъ доброй отецъ, мы имѣемъ нѣкоторыя пра́вила.

Я ужѐ въ нихъ наставленъ, отвѣчалъ ему Клерфонсъ, въ продолженіи того времени, какъ я живу съ вами; и я буду просить у неба о нужной твердости для исполненія оныхъ.

Нѣтъ,

Нѣтъ, я говорю не о тѣхъ, кои принуждено наблюдать, вступя единожды въ нашъ орденъ: но о тѣхъ, которымъ подвергнуться должно желая вступить въ оной; то есть на примѣръ, о вкладѣ, состоящей изъ тысячи франковъ...

Развѣ вы запамятовали, отецъ мой, отвѣчалъ Клерфонсъ, удивленный его требованіемъ: что я чрезъ два мѣсяца по прибытіи моемъ въ вашъ монастырь, вручилъ вамъ двенатцать тысячь франковъ?

Нѣтъ, любезной мой сынъ, отвѣчалъ начальникъ, я очень о семъ помню; общество ихъ приняло съ благодарностію и изготовило на то сочиненіе, которымъ вы внесены въ число благотворителей нашея обители: но сіе не уничтожаетъ обязательства, по которому вы обыкновенному правилу въ разсужденіи вашего вклада подвергнуться должны; однако между тѣмъ по причинѣ ва-

 шего

шего усердія я сдѣлаю собраніе монаховъ и посовѣтуюсь съ ними, невозможно ли въ ваше удовольствіе сдѣлать нѣкотораго изключенія.

Честной начальникъ паки пришедъ чрезъ часъ къ Клерфонсу, донесъ ему, что вся братія, которая къ нему очень предана, крайне сожалѣетъ, что не въ силахъ ничего перемѣнить въ своемъ уставѣ; они бы чрезъ то нарушили только святость своего установленія: и когда онъ положилъ единожды отрѣчься отъ свѣта, то сія сумма не должна удерживать его отъ исполненія столь похвальнаго и богоугоднаго намѣренія.

Конечно, отецъ святый, отвѣчалъ ему Клерфонсъ, и я тоже думаю, что и вы: но двенатцать тысячь франковъ, вамъ мною отданныхъ, составляли все мое имѣніе, выключая нѣсколькихъ луидоровъ, оставленныхъ на подаяніе милостынь. Какъ? Государь мой, отвѣчалъ начальникъ, при-

принявъ на себя суровой видъ: такъ у васъ ничего больше не осталось? Нѣтъ мой отецъ. А естьли такъ, то я крайне о семъ сожалѣю, ибо мы справясь съ нашими уставами нашли также, что намъ никакъ не позволено держать ни одного свѣтскаго человѣка въ нашей обители больше года, и то должно быть только подъ предлогомъ искушенія. А хотя сіе время и минуло, примолвилъ настоятель, однако вы можете остаться здѣсь дни на два, три.

Разгнѣванный Клерфонсъ выбрался тотчасъ, а честной начальникъ проводилъ его съ великимъ почтеніемъ и поклонами до послѣднихъ монастырскихъ воротъ, у которыхъ пожелавъ ему благополучнаго путешествія увѣрялъ его, что они не забудутъ объ немъ молиться въ своихъ молитвахъ.

Клерфонсъ удалился въ ближайшей городъ, въ которомъ посовѣтовался съ самымъ славнымъ стряп-

чимъ, дабы узнать, не можетъ ли онъ силою сихъ неблагодарныхъ монаховъ принудить возвратить по крайней мѣрѣ часть изъ той суммы. Законоискусникъ ему отвѣчалъ, что ничего не было вѣрнѣе; только бы прозьба его была справедлива и дѣло подлинно; и онъ обязывается все снять на себя, естьли получитъ въ руки двятцать луидоровъ, потребныхъ ему для нужныхъ расходовъ.

Клерфонсъ далъ ему оныя; а у него оставалось только всего имѣнія и богатства двенатцать для всякаго щастія. Чрезъ нѣсколько дней стряпчей его писалъ къ нему, что дѣло его въ хорошемъ состояніи; и что онъ никакъ не сумнѣвается о хорошемъ успѣхѣ; но только еще потребно четыре луидора: Клерфонсъ и оныя ему послалъ. Чрезъ три дни пришло новое письмо отъ сутяги, которое объявляетъ, что его стараніемъ и его побужденіями дѣло его должно быть слушано при первомъ

за-

засѣданіи; и щитать уже его за выигранное; но для приведенія къ концу потребно еще десять луидоровъ; Клерфонсъ пошелъ его искать для отнесенія шести послѣднихъ у него оставшихся, и просилъ его прочіе четыре занять почитая его дѣло за выигранное.

Сочленъ Ѳемисы наморщивши лобъ, отвѣчалъ, что такъ не водится, но онъ будетъ дѣлать то, что можетъ для обязанія его.

Клерфонсъ возвращаясь домой негодовалъ на обряды приказныхъ людей и на уставы К. . . . Новое еще нещастіе ожидало его. При входѣ въ гостинницу свою увѣдомился онъ, что его хотятъ тамъ взять подъ караулъ. Онъ пошелъ опять къ своему стряпчему съ докладомъ о сей огорчительной новости. Я ни мало не удивляюсь вашему извѣстію, говоритъ стряпчей, я знаю, что монахи, подозрѣвая какія нибудь тай-

ныя побудительныя причины вашего къ нимъ прибѣжища, дѣлаютъ сыски; они конечно провѣдали что нибудь. . . Такъ, государь мой, отвѣчалъ Клерфонсъ, тому ужѐ съ годъ, какъ я по нещастію убилъ человѣка защищая особу мною обожаемую.

А когда такъ, сказалъ стряпчей, то совѣтую вамъ выѣхать немедленно и не мѣшкать ни четверти часа въ семъ городѣ.

И у меня точно такое же намѣреніе, отвѣчалъ Клерфонсъ: но у меня не осталось денегъ ни полушки; такъ я васъ осмѣливаюсь просить возвратить мнѣ назадъ шесть луидоровъ мною вамъ послѣ отданныхъ. . .

Лишь только вы вышли отъ меня, то я послалъ ихъ къ вашему повѣренному, и прибавилъ четыре своихъ въ добавокъ, которые я вамъ обѣщалъ за честь.

Но

Но не можно ли послать скорѣе за ними и потребовать ихъ назадъ у повѣреннаго?

Вы не разсуждаете, государь мой; возвращаютъ ли что когда нибудь повѣренные: прощайте, государь мой, все, что я могу для васъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что я попрошу рѣшеніе вашего дѣла отсрочить до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ сдѣлаете честь увѣдомленіемъ о своихъ обстоятельствахъ; я бы васъ охотно пригласилъ остаться отужинать у меня, но я думаю, что это благоразумнѣе будетъ сдѣлано, естьли вы не теряя времени отъѣдете. Тутъ то нещастный Клерфонсъ до того былъ доведенъ, что принужденъ былъ пользоваться ночною темнотою для своего спасенія; онъ опасается итти большою дорогою; онъ долженъ брести пѣшкомъ подобно бѣглецу, безъ денегъ, безъ помощи; онъ не знаетъ куда; проклинаетъ монаховъ, проклинаетъ слу-

служителей правосудія, размышляетъ о безпристрастности своего друга, и соболѣзнуетъ о потеряніи Розы.

Къ чему намъ служитъ премудрость, разсуждалъ онъ, естьли она не можетъ спасти насъ отъ золъ, къ которымъ мы предопредѣлены? . . Къ чему она служитъ? Не на то ли, *что бы сносить* намъ нещастія великодушно, чувствовать праведное наказаніе Божіе, сносить оное съ терпѣливостію и заслуживать щастливую участь сопротивляясь нещастію. Небо похищаетъ у меня презрѣнія достойную любовницу, предпочитаемую мною чести; оно лишаетъ меня сердца друга, мною обманутаго; оно препятствуетъ мнѣ погребстись въ такомъ мѣстѣ, которое избрано для меня моимъ отчаяніемъ, и котораго разсудокъ заставляетъ меня гнушаться; оно лишило меня нарочитой суммы, что бы пріуготовить меня, можетъ быть, къ безконечной славѣ; напрасно не по-

повинуюсь я его гласу; оно отнимаетъ у меня всѣ средства, ему долѣе сопротивляться; оно оставляетъ мнѣ еще драгоцѣнныя сокровища, здоровье, силу, храбрость, которыя долженъ я употребить къ службѣ моего Государя, на защищеніе моего отечества.

Несправедливые и неблагодарные человѣки, жалующіеся горько Богу о малой потерѣ, вспомните вы, что благость его все то вамъ ниспосылаетъ, что онъ у васъ ни отнимаетъ.

Клерфонсъ почерпнулъ изъ сихъ мудрыхъ размышленій силу, подкрѣпляющую его въ его нещастіи, и возвратившую спокойствіе самому его сердцу. Толь сильны утѣшенія добродѣтели. Онъ шелъ цѣлую ночь и цѣлой день не ощущая почти въ себѣ никакой слабости, и прибылъ къ вечеру въ весьма бѣдную гостинницу, сходствовавшую чрезвычайно

съ

съ расходами, которые онъ намѣренъ былъ держать. Однако между тѣмъ нашелъ онъ въ оной молодаго офицера, котораго почелъ за знатную особу, поелику онъ ужѐ былъ украшенъ крестомъ святаго Людвига, хотя ему по видимому отъ роду не болѣе было двадцати четырехъ лѣтъ.

Встрѣча сія казалась ему быть весьма благопріятною въ разсужденіи его намѣренія. Но пришедши пѣшкомъ и вѣсь покрытъ пóтомъ и пылью, не зналъ, долженъ ли онъ изпрашивать позволѣнія съ нимъ кушать; Офицеръ, взирая на него со вниманіемъ, и видя его хорошо одѣтаго и нашедъ въ немъ безконечно отмѣнной видъ, судилъ, что онъ такой человѣкъ, котораго рожденіе съ настоящими его обстоятельствами весьма худо сходствовало. Онъ вывелъ его изъ его замѣшательства, пригласивши его отужинать съ собою. Клерфонсъ принялъ сіе предложеніе

съ

съ радостію, и почиталъ сей случай за благодѣяніе Божіе, которымъ онъ возпользоваться твердо вознамѣрился. И такъ онъ поступалъ за ужиномъ такъ, что заслужилъ хорошее мнѣніе, какое онъ желалъ, что бы объ немъ имѣли.

Офицеръ увидя, что Клерфонсъ оказывалъ къ нему вниманіе и самое почтеніе, за которое онъ только обязанъ былъ благодарностію своему виду, говорилъ къ нему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: я вижу, государь мой, изъ вашего противу меня поступка, что вы обо мнѣ разсуждаете по внѣшности; вы ошибаетесь, и я долженъ васъ изъ сего вывести заблужденія. Тотъ, кто не ищетъ заслужить почтеніе у свѣта, есть негодной человѣкъ, котораго должно презирать: но тотъ, которой дерзаетъ наслаждаться неприличными себѣ почестьми, есть обманщикъ, заслуживающей наказаніе.

Вы безъ сомнѣнія почитаете во мнѣ знакъ чести, которой бываетъ обыкновенно награжденіемъ за долговременную службу, и которой дается людямъ въ мои лѣта тогда, когда они высокаго поколѣнія. Естьли вы такъ думаете, то очень естественно: но въ разсужденіи меня вы обманываетесь; я рожденъ въ такомъ состояніи, которое бы я назвалъ презрѣннымъ, естьли бы что нибудь другое кромѣ пороковъ было презрѣнно.

Честь, которою Король меня украсилъ, есть знакъ его благоволенія, которое само часто удостоиваетъ ободрять ревность не наградя прежде заслуги.

Клерфонсъ увѣрялъ офицера, что слова его умножали только почтеніе, которое къ нему онъ чувствовалъ.

Очень хорошо, отвѣчалъ солдатъ съ откровенностію, приличною

сему

сему состоянію: я никакъ не отвергаю вашего ко мнѣ почтенія; я почитаю его весьма высоко, когда оно происходитъ отъ честныхъ людей; оно самая лестнѣйшая цѣна за наши подвиги; естьли оно прибавится послѣ повѣствованія, которое я вамъ учинить намѣренъ, то оно мнѣ будетъ еще пріятнѣе, поелику я тогда никакъ никакому ложному виду благодарить не буду.

Вмѣсто почтеннаго мундира, въ которомъ вы меня теперь видите, носилъ я, тому ужѐ шесть лѣтъ назадъ, сѣрой кафтанъ, какъ мой отецъ былъ убитъ на нещастной охотѣ, желая спасти жизнь сыну своего господина.

Ахъ! любезной мой ла Форе, вскричалъ Клерфонсъ кинувшись на шею офицера, въ которомъ онъ ужѐ долгое время находилъ черты возлюбленной своей Розы: какая благополучная минута насъ соединяетъ!

Не успѣлъ только Клерфонсъ дать знать о себѣ съ своей стороны, то ла Форе исторгнувшись изъ его объятій, кинулся къ его ногамъ.

Ахъ! государь мой! вскричалъ онъ, колъ пріятно мнѣ обнимать того, которой спасъ жизнь моему любезному господину: но сіе не одна только *обязанность, которою* я вамъ долженъ; я увѣдомился о всѣхъ попеченіяхъ, прилагаемыхъ вами о молодости моей сестры . . . Въ какомъ состояніи она находится, господинъ Кавалеръ Монтфортъ, и моя бѣдная мать . . . Ахъ! государь мой, я никогда сего не забуду; я рубилъ дрова во время сей охоты, какъ вы поражали свирѣпую ту самку . . . Моя бѣдная сестра обязана вамъ за все благодарностію . . . Вы помогали нести умирающаго моего отца . . . Конечно, вы самой храброй и честнѣйшій человѣкъ во всемъ свѣтѣ.

Клер-

Клерфонсъ не могъ еще дойти до того, что бы поднять бѣднаго ла Форе, какъ слуги его вошли съ хозяиномъ; они удивились, видя его въ семъ положеніи предъ такимъ человѣкомъ, которой пришелъ пѣшкомъ безъ провожатаго, и вѣсь покрытъ пылью; они хотѣли приближиться.

Отойдите, закричалъ онъ имъ; вотъ человѣкъ, которому я больше всѣхъ обязанъ въ свѣтѣ благодарностію и почтеніемъ. Тебѣ Женесъ, сказалъ онъ одному изъ своихъ слугъ, тебѣ приказываю я служить сему господину со всякимъ усердіемъ, должнымъ его роду, а еще болѣе его добродѣтелямъ; съ сей минуты я тебя отдаю ему; а ты Фридрихъ, поди поищи въ моемъ чемоданѣ самое тонкое бѣлье, какое только можешъ найти, и нагрей постелю для меня назначенную; а прочія попеченія возьму я самъ на себя.

Ла Форе удовольствовавъ первыя движенія своего усердія, просилъ покорно Клерфонса увѣдомить себя какъ о своемъ семействѣ, такъ и о Кавалерѣ Монтфортѣ, котораго благодарность его всегда называла своимъ господиномъ.

Клерфонсъ удовольствовалъ его; и сей честной человѣкъ утопалъ въ слезахъ, какъ скоро услышалъ, что помощь, оказанная его сестрѣ, была причиною состоянія, въ которое онъ видитъ его вовлеченнаго.

Ахъ! Государь мой, сказалъ онъ ему, я вамъ долженъ жизнію за то, что вы спасли честь моей сестры; коль должны вы быть ей дороги! Но коль бы ея чувствованія велики ни были, однако онѣ никогда не превзойдутъ склонности и почтенія, которыя сохраню я къ вамъ чрезъ всю мою жизнь.

Клерфонсъ не хотѣлъ поколебать радость бѣднаго ла Форе повѣствова-

ва-

ваніемЪ послѣдняго своего свиданія сЪ Розою.

Послѣ сего доложено имЪ было, что постели были ужѐ готовы, Ла Форе проводилЪ Клерфонса вЪ свою комнату; пособилЪ ему раздѣваться, и не вышелЪ отЪ него до тѣхЪ порЪ, пока онЪ не легЪ вЪ постелю.

Почивайте спокойно, сказалЪ онЪ ему, обнявЪ его отЪ всего своего сердца, отдыхайте, а завтре выѣдемЪ кЪ вечеру; я веду двухЪ лошадей, которыхЪ я купилЪ для походу; я возьму одну изЪ тѣхЪ, а вы поѣдете на моей, она получше; а дорóгою разскажу я вамЪ исторію о моемЪ небольшомЪ щастіи.

На другой день ла Форе вставши весьма рано приказалЪ все приготовить кЪ отЪѣзду вЪ то время, какЪ Клерфонс утомясь отЪ бдѣнія спалЪ еще крѣпко. КакЪ скоро онЪ пробудился, то добродушной ла Форе во-

шелъ въ его горницу и хотѣлъ ему опять оказать свои услуги при одѣваніи; я ихъ вчера принялъ съ охотою, любезной мой ла Форе, сказалъ ему Клерфонсъ обнявъ его, потому только, что я не хотѣлъ прервать изліяній вашего дружества: но теперь я васъ прошу о томъ больше не заводить и рѣчей, а по крайней мѣрѣ не иначе какъ, что бы мы ихъ имѣли между нами общими; на сіе условіе я соглашаюсь: мы должны почитаться между собою друзьями; я вамъ, говорите вы, оказалъ услуги, я дожидаюсь ихъ отъ васъ; вы думаете, что вы нашли во мнѣ нѣкоторыя хорошія качества; я вижу, что вы имѣете ихъ еще превосходнѣе моихъ. Когда одолженія и склонности сходственны, такъ все это должно быть между нами.

Ла Форе хотѣлъ отвѣчать: но Клерфонсъ ему въ томъ возпрепятствовалъ напомня ему о данномъ имъ обѣщаніи, разсказать исторію сво-

своего щастія; и онъ сказалъ ему оную кратко въ слѣдующихъ словахъ.

Весьма дѣлаютъ не справедливо, когда жалуются на рѣдкое производство, бываемое въ службѣ: надлежитъ только быть честнымъ человѣкомъ, исполнять свою должность, не пропускать никакого случая для прославленія себя, то и найдешь случай учиниться всѣмъ извѣстнымъ.

Тому ужѐ шесть лѣтъ, какъ я пошелъ въ М. . . полкъ, которой стоялъ гарнизономъ въ Р. . . Кавалеръ Монтфортъ, которому я вручилъ письмо отъ господина Маркиза, его брата, и мой любезной господинъ, о которомъ у меня не изчезнетъ никогда драгоцѣнное напоминаніе, принялъ меня милостиво, велѣлъ мнѣ сдѣлать офицерской мундиръ и приказалъ мнѣ въ своей ротѣ служить волонтиромъ. Въ томъ году, которой господинъ Маркизъ приказалъ мнѣ препроводить въ В. . . выучилъ

я нѣкоторыя начальныя основанія Математики; и упражнялся въ сей наукѣ съ прилѣжаніемъ; и всѣ отъ упражненій моихъ остающіяся свободныя минуты употреблялъ я на сію науку; я также находилъ удовольствіе преподавать опять то, что я изъ моей науки зналъ, нѣкоторымъ молодымъ людямъ, въ которыхъ я находилъ охоту и остроту. Я ужѐ довольно въ ней успѣлъ, какъ открылся походъ. Я просилъ господина Кавалера Монтфорта позволить перейти мнѣ въ гренадирскую роту; казалось, какъ будто бы прозьба моя его ласкала, и онъ на то согласился съ удовольствіемъ.

Первой деташементъ, въ которомъ я находился, былъ поставленъ совсѣмъ противъ пушечной батерей, которая у насъ вдругъ похитила пять или шесть человѣкъ гренадировъ. Инженеръ, снимавшей чертежъ съ крѣпости, подъ которою мы стояли, былъ застрѣленъ; и я взялся при оной

оной продолжать его должность. Пули падали какъ градъ, но я не страшился: но одна пролетѣла столь близко возлѣ меня, что я противъ воли отклонилъ голову. Господинъ Маршалъ Левендаль, (*) нами командовавшей, примѣтя это, посмотрѣлъ на меня косо обѣими глазами поднявъ свою голову высоко въ верьхъ, какъ другая пуля пролетѣла можетъ быть на футъ выше его.

Сія безгласная и строгая укоризна учинила во мнѣ столь живое впечатлѣніе, что я ее никогда не забывалъ; слезы у меня навернулись на глазахъ отъ отчаянія, что во мнѣ подозрѣваютъ трусость; и я

ни

(*) Господинъ Графъ Левендаль былъ сперва Маршаломъ во Франціи при завоеваніи Берг-оп-Цома: но я не сдѣлалъ никакого затрудненія, что приписалъ ему прежде честь, которую онъ уже заслужилъ.

ни о чемъ не думалъ, какъ только что бы привести въ забвеніе сіе постыдное дѣло. Случай скоро представился; мы пошли на редутъ; я первой взошелъ на батерею, и убилъ ружейнымъ выстрѣломъ пушкаря въ ту самую минуту, какъ онъ хотѣлъ выпалить изъ дватцатичетырех-фунтовой пушки, заряженной картечами, которая бы у насъ положила очень много народу. Я скочилъ въ редутъ и повергъ своимъ штыкомъ трехъ солдатъ, мнѣ попавшихся; я открылъ рѣшотку нашему деташементу, завладѣвшему постомъ; и мы полонили солдатъ, оной защищающихъ. Мы тутъ остались по приказу и дожидались пикенеровъ арміи, находящихся подъ командою Маршала Левендаля.

Ему не преминули разсказать о моемъ дѣйствіи. Онъ меня обнявъ предъ всѣми присутствующими, сказалъ мнѣ слѣдующія слова, которыя никогда не выдутъ изъ моего сердца:

Другъ

Другъ мой, мнѣ кажется, какъ будто вы знали, какъ заглаждать погрѣшность; а я напротивъ того знаю, какъ награждать знамѣнитое дѣйствiе. Продолжайте усердно служить Королю, а прочее оставьте на мое попеченiе.

Я тотчасъ сдѣланъ былъ Офицеромъ. Въ слѣдующую компанiю имѣлъ я щастiе взять крѣпость П * * * со сто пятидесятью человѣками, данными мнѣ для воспрещенiя входу привоза. Она была тогда защищаема четырью стами человѣкъ, а я послѣ защищалъ ее со сто четырью человѣками, оставшимися у меня противъ пяти сотъ, пришедшихъ на меня напасть; я былъ пожалованъ Капитаномъ, а въ слѣдующiя компанiи меня всегда отдѣляли командовать отдѣленными войсками, съ которыми я чинилъ многихъ плѣнниками, и отнималъ часто у непрiятеля подвозы.

Госпо-

Господинъ Маршалъ сдержалъ мнѣ свое слово и написалъ ко мнѣ, что бы я въ сію зиму пріѣхалъ къ нему въ Версалію. Какъ я былъ къ нему введенъ, то тутъ нашелъ я одну придворную даму, которая при объясненіи дѣйствій, о коихъ господинъ Маршалъ имѣлъ милость разсказывать предъ всѣми гостями, была внѣ себя. Дама сія, которую называли госпожею Графинею, принудила меня себя посѣтить, увѣряя меня, что она любитъ благородныя дѣла; и что она весьма радуется, что сыскала случай предстательствовать о заслугахъ.

Я отблагодарилъ ей глубокимъ поклономъ; а господинъ Маршалъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкою, побудившею меня къ неустрашимымъ дѣйствіямъ, столько даму сію тронувшимъ.

По отбытіи ея сказалъ онъ мнѣ: изрядно, другъ мой, мнѣ кажется,

что

что красавицы вамъ столько же мало противятся, какъ и крѣпости. Не успѣли вы здѣсь розуться, да ужѐ и овладѣли самою прекрасною дамою изъ придворныхъ; вы конечно не преминете завтре засвидѣтельствовать ей свое почтеніе при уборномъ столикѣ?

Никакъ, Ваше Высокопревосходительство, отвѣчалъ я ему, я устыжусь получать знаки чести чрезъ толь постыдныя средства; я не хочу быть обязаннымъ въ дальнѣйшемъ моемъ производствѣ никому, кромѣ моихъ услугъ и вашего благоволенія.

Онъ похвалилъ сей образъ мыслей, и обѣщалъ мнѣ представить меня на другой день Королю, какъ онъ пойдетъ къ обѣднѣ. Я имѣлъ сію честь, и получилъ крестъ, которой вы на мнѣ видите, и пожалованъ указомъ въ Полковники; потомъ послѣдовалъ выгодной договоръ

для трехъ сотъ волонтировъ, коихъ я набрать хочу; изъ которыхъ сто человѣкъ будетъ конницы, коими вы начальствовать должны; а я останусь въ пѣхотѣ, въ которой я всегда служилъ; и я надѣюсь, что мы будемъ имѣть щастіе показать наше усердіе къ Королевской службѣ.

Клерфонсъ былъ очарованъ благородною простотою, съ каковою ла Форе разсказалъ ему о своемъ повышеніи; потомъ онъ ему также съ своей стороны открылъ свое намѣреніе о вступленіи въ службу, прежде нежели онъ встрѣтился съ нимъ. Они радовались оба: одинъ тому, что нашелъ столь благопріятствующей случай; другой же тому, что онъ доставить оной могъ. Корпусъ волонтировъ набрался почти въ два мѣсяца и былъ названъ Л . . . егарями. Онъ выступилъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1747 года въ полѣ, и оказалъ удивительные знаки храбрости во многихъ случаяхъ.

Кон-

Конница, которою предводительствовалъ Клерфонсъ, встрѣтилась нѣкогда съ Деташементомъ Венгерскихъ гусаровъ: но каждая съ обѣихъ сторонъ была въ осторожности, потому что онѣ обѣ прикрываемы были лѣсомъ, въ которомъ каждая сторона имѣла причину опасаться скрытной пѣхоты. И такъ они перестрѣливались нѣсколько времени изъ карабиновъ другъ въ друга, пока наконецъ Офицеръ, командовавшій Венгерскимъ деташементомъ, нѣсколько приближася предложилъ Клерфонсу вытти вмѣстѣ на поединокъ на пистолѣтахъ.

Клерфонсъ былъ не такой человѣкъ, которой бы отказался отъ такой участи. Каждой выстрѣлилъ два свои заряда безъ пользы. Потомъ обнаживъ сабли и со втораго замаху Венгерецъ былъ разрубленъ по поламъ, какъ повѣствуютъ о исполинахъ, издревлѣ пластавшихъ колдуновъ. Другой храбрецъ пред-

представился Клерфонсу и защищался столь мужественно, что бой у нихъ былъ долгое время равенъ. Однако какъ между тѣмъ польза начиналась перевѣшиваться къ Клерфонсу, то клинки двухъ противниковъ слетѣли разомъ отъ прошибки. Клерфонсъ, котораго искуство управлять своею лошадью равнялось его силѣ, наскакалъ на своего противника, схватилъ его за воротъ и вышибивши его изъ своего сѣдла, поднялъ и положилъ на переди своего сѣдла поперегъ, какъ какую нибудь связку. Сіе дѣйствіе было съ обѣихъ сторонъ похвалено, и каждая удалилась въ свою сторону.

По прошествіи нѣсколькихъ дней ла Форе былъ не столько щастливъ, ибо будучи онъ обманутъ крестьянами, былъ захваченъ въ деревнѣ корпусомъ, состоящимъ изъ тысячи пяти сотъ человѣкъ, которой порубилъ на голову его деташементъ, а самъ онъ получилъ восемь ранъ

саб-

саблею, и оказалъ чудеса храбрости; Клерфонсъ, пришедшей безъ пользы къ нему на помощь, былъ раненъ въ лѣвую руку пулею, и оба приведены будучи въ беззащитное состоянiе, принуждены были здаться.

Будучи плѣнниками много претерпѣли. Клерфонсъ и ла Форе какъ ни были изранены, однако имѣли довольно силъ выдержать сей долгой и мучительной походъ. На разсвѣтѣ остановились они для отдохновенiя и употребили сiе время для перевязыванiя ранъ, ибо на нихъ по щастiю оставили хотя рубашки; а Клерфонсъ уберегъ еще бутылку жизненнаго балсама, которой имъ служилъ великою помощiю! Онъ претерпѣвалъ смертельную боль въ раздробленной своей рукѣ, коея кости даже вошли въ мясо. Оныя вправить они были не въ состоянiи; и такъ онъ вознамѣрился ее отнять, и просилъ ла Форея оказать себѣ сiю жестокую услугу. Но видя, что онъ его къ тому скло-

нить не могъ, то выдернулъ у солдата тѣсакъ, и отрубилъ у себя оную съ мужествомъ, превосходящимъ естественныя силы.

Ла Форе впалъ въ отчаянiе, не смотря на то, что онъ удивлялся сему великодушiю. Не робейте, говорилъ Клерфонсъ съ бодростiю истинно геройскою; Богъ насъ сохранитъ для отмщенiя, и мы еще въ состоянiи будемъ служить нашему отечеству. Естьли мнѣ жаль, что я потерялъ мою руку, то это для того, что у меня осталась только одна для перевязыванiя вашихъ ранъ.

Въ самомъ дѣлѣ окончавъ сiе жестокое дѣйствiе, пособилъ онъ перевязать ла Форею всѣ его раны. Аглинской начальникъ, увидя ихъ въ семъ упражненiи, остановился посмотрѣть; и узнавъ, съ какимъ хладнокровiемъ сей окровавленный и изрубленный плѣнникъ отру-

рубилъ себѣ руку, и примѣтя спокойное вниманіе, съ какимъ перевязывалъ онъ своего великодушнаго товарища, былъ пораженъ удивленіемъ.

Эти люди, сказалъ онъ, достойный быть Агличанами. Онъ велѣлъ имъ выдать платье; раздѣлилъ съ ними свою постелю, и посадя на лошадей приказалъ ѣхать подлѣ себя: и такъ это справедливо, что только храбростію и великодушіемъ можно преодолѣть злощастіе.

Здоровая кровь, молодость, сила въ сложеніи тѣла, небо, предопредѣлившее ихъ къ другому концу, возстановили прежнее здоровье въ неустрашимомъ Клерфонсѣ и храбромъ ла Форѣ: однако между тѣмъ чувствовали они страхи бѣдности и плѣна во внутренности Шотландіи, куда они съ прочими военноплѣнниками посланы были.

Ла Форе сносилъ съ нетерпѣливостію сіе состояніе. Но Клерфонсъ,

 кото-

котораго великая душа уже испытала всѣ перемѣны щастія, подкрѣплялъ его своею бодростію.

Найдите мнѣ такого, говорилъ онъ ла Форею, изъ какого состоянія вы ни хотите, которой бы не испыталъ больше напастей, нежели веселія; и тогда я вамъ прощу ваши жалобы. И такъ когда добро и зло составляютъ необходимость человѣческаго состоянія, обязанность, въ которую входимъ при вступленіи въ свѣтъ, и долгъ, которой должны мы платить чрезъ все время своей жизни; тотъ, которой ропщетъ на сіе несовершенство, есть столько же смѣшно несправедливъ, какъ и тотъ, которой бы жаловаться хотѣлъ, что онъ въ одно время не имѣетъ быстрости оленя, силы воловей и медвѣжей свирѣпости; которой бы хотѣлъ разсѣкать воздухъ, подобно птицамъ и плавать въ нѣдрахъ моря, какъ рыбы; всякое состояніе имѣетъ свои мученія; каждое существо подвергается свое-

своему жребію. Судьба военнаго человѣка есть, быть умерщвлену, ранену, полонену, иногда побиту, но никогда не быть побѣждену. Вспомните, что бы снести вамъ сію минуту злополучія, о той, въ которую вы получили похвалы и обниманія великаго Генерала предъ всемъ войскомъ; о той, въ которую онъ васъ осыпалъ похвалами въ собраніи перваго ранга особъ; о той, въ которую вы заслужили вниманіе своего Короля, которой васъ почтилъ честію и славою. Вспомните также и о тѣхъ минутахъ, которыя должны не менѣе быть дороги вашему сердцу, когда вы меня удрученнаго трудами, и покрытаго прахомъ и пылью отыскали. Когда я не зналъ, куда мнѣ приклонить голову, то вы могли мое состояніе перемѣнить въ одну минуту; а Богъ развѣ не силенъ перемѣнить нашу настоящую участь? Утѣшайся мой другъ; Богъ сохранилъ для васъ случай еще къ знатнѣйшему дѣйствію; заслуживай-

 те

те оное своимъ уничиженіемъ и своею твердостію духа.

Между тѣмъ, какъ разумной Клерфонсъ, сколько великодушной въ нещастіяхъ, столько неустрашимой въ сраженіяхъ помогалъ своему другу сносить бремя своего неблагополучія, то оно окончилось. Оковы его разорвались; судьба его перемѣнилась. Но кто такой приноситъ ему извѣстіе? Монтфортъ; другъ его, Ангелъ, слетѣвшей съ неба въ его объятія. Ахъ, Монтфортъ!... Ахъ, Клерфонсъ!.. Ахъ, мой бѣдной ла Форе!.. Ахъ! любезной мой господинъ!.. Ахъ! друзья мои!..

Конецъ перпой Части.

